

АНДРЕЙ ОРЛОВ

ЭКИПАЖ

ЛУЧШИЙ КИНОРОМАН О ЛЕТЧИКАХ

Андрей Юрьевич Орлов Экипаж. Предельный угол атаки

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18083938

Орлов, Андрей Юрьевич. Экипаж. Предельный угол атаки: Эксмо; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-87325-8

Аннотация

В августе 1995 года российский самолет Ил-76 с грузом боеприпасов совершал коммерческий рейс из Тираны в Баграм. На его борту было семь членов экипажа, все – граждане России. Груз предназначался для лидера «Северного альянса» Афганистана Ахмад Шаха Масуда, главного врага талибов. И надо же такому случиться – в небе над Афганистаном самолет был перехвачен истребителем МиГ-21, как раз принадлежащим талибам. Банда исламских радикалов удерживала российских летчиков в плену 378 дней! При этом Российское правительство практически ничего не делало, чтобы освободить своих граждан. Наконец экипаж понял: бороться за жизнь им придется самостоятельно...

Андрей Орлов

Экипаж. Предельный угол атаки

© Орлов А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Футбольный матч проходил в чисто дружеской атмосфере, далекой от спортивного азарта. В створ ворот игроки почти не попадали, но публика была в восторге. Трибуны взрывались всякий раз, когда мяч по той или иной причине оказывался в какой-либо штрафной площадке.

В перерыве между таймами небритые «футболисты» в мешковатой форме удалились на покой. Шустрые личности в полосатых халатах выволокли на поле железный турник, к перекладине которого была привязана петля, и установили его в центральном круге. Потом они вывели на всеобщее обозрение человека со связанными за спиной руками и потащили к турнику.

Тот почти не упирался, молчал. Он взвизгнул только раз, когда с него стащили тюрбан, подняли на руках и приладили петлю вокруг шеи. Бедняга рванулся, затих, приоткрыл рот и начал ждать неизбежного. Так оно и вышло, но прежде какой-то заботливый человечек пригладил его вздыбившиеся волосы.

Мужики в халатах отхлынули от тела, оно забилося в конвульсиях, разбрызгивая пену и мочу, стекавшую по ногам. Болельщики отозвались приветливым гулом.

Никто не видел, как по окончании этой процедуры в закрытой зоне для гостей поднялись трое. Один был худой, длиннородый, с постным вытянутым лицом, второй выше, породистый, с черной повязкой на глазу, а третий – просто охранник. Они тихо ушли со стадиона.

За трибунами спортивного комплекса, возведенного много лет назад советскими специалистами, их ждали две машины: джип, опутанный стальными рамами, и мини-вэн с охраной. Боец, сопровождающий важных персон, распахнул заднюю дверь, подождал, пока они рассядутся на кожаных диванах, пристроился рядом с водителем. Маленький кортеж сорвался с места.

В доме губернатора Кандагара, белокаменном особняке в английском колониальном стиле, их уже ждали. На борту грязно-зеленой бронемшины вытянулся и козырнул офицер. Расступилась бородатая охрана, вооруженная западногерманскими портативными автоматами с телескопическими стволами. Склонились в почтительном поклоне господу в шитых серебром тюрбанах и тубетейках. Длиннородый поморщился, что-то шепнул одноглазому...

Чайная церемония проходила уже без раздражающей помпезности. Все встали, когда на входе в комнату, обитую бархатом и устланную подушками, появился человек с повязкой на глазу. Он пропустил вперед длиннородого мужчину. Тот вошел со смущенной улыбочкой, учтиво кивнул, обогнул лежащую на полу шкуру горного барса с растопыренными когтистыми лапами и уселся на ковре перед чайным столиком.

Его лицо уже не казалось постным. Пряча усмешку, он обозрел отлитые в бронзе лица присутствующих, подковообразные бороды, развешанные по стенам старинные пистолеты, усыпанные перламутром и узорной костью, английские ружья с резными ложами. Одногла-

зый пристроился рядом. Публика почтительно ждала, пока гости нальют себе чай, отопьют из элегантных пиал, отведают сладостей, фруктов.

Обладатель единственного, но, безусловно, всевидящего ока повернулся к помощнику, выразительно повел бровью. Тип с длинной бородой поманил низкорослого очкарика с папкой бумаг под мышкой. Тот подлетел, услужливо склонил голову, разложил на чайном столике бумаги и застыл, ожидая высочайшего повеления. Высокий лоб изрезали разводы мелких морщин – так покрывается трещинами лобовое стекло после удара.

– Говори.

– Над Кандагаром четыре эшелона, – забормотал очкарик. – Много рейсов. Начиная с албанских и кончая американскими.

При последнем слове длиннородый мужчина непроизвольно дернулся так, словно ему свело шею. Очкарик испуганно осекся – не сказал ли лишнее?

– Американцы... – задумчиво вымолвил обладатель ухоженной бороды, и его тонкие губы расплзлись в загадочной улыбке.

Очкарик тоже заулыбался – робко, глуповато. Одноглазый человек отставил пиалу, вытер губы рукавом халата, придвинул к себе бумаги.

– Это кто? – спросил он, ткнув пальцем.

Очкарик склонился, вытянул шею.

– Французы, – пояснил он, проследив за движением короткого пальца с роговым наростом, заменяющим ноготь. – Это словаки. Это шведы.

– Американцы где? – тихо спросил длиннородый мужчина.

– Вот, пожалуйста. – Очкарик услужливо ткнул пальцем, подслеповато прищурился. – У американцев над нашей местностью четыре рейса. Три пассажирских, один транспортный – «Боинги», старые «Дугласы».

Длиннородый тип кивнул, взялся за пиалу и погрузился в раздумья.

– Хорошо, – сказал одноглазый и вновь повернулся к помощнику.

Последний четко вызубрил регламент – поманил пальцем европейского вида господина в черных очках. Тот с достоинством приблизился – ни один мускул не дрогнул на загорелом скуластом лице. Выучка Вест-Пойнта обязывала.

– Когда?.. – вкрадчиво осведомился одноглазый.

– Через неделю, босс, не раньше, – ровным голосом известил европеец. – Требуется серьезная подготовка.

– Долго. – Длиннородый тип поднял голову. – Надо быстрее.

– Неделя, – не меняя интонации, вымолвил европеец и повторил, очевидно, для тех, кто плохо соображал: – Требуется серьезная подготовка.

Длиннородый мужчина не стал пускаться в бесполезную дискуссию и покладисто кивнул, мол, специалистам виднее. Субъект с европейской внешностью отступил на заранее подготовленную позицию.

Распорядитель церемонии легким движением указующего перста подозвал очередного участника совещания. Тому было немного за сорок. Он еще не обзавелся сединой, имел располагающую внешность, носил песочного цвета летную форму советского военного образца со срезанными погонами и знаками отличия. Одноглазый кивнул, дескать, ваше слово, уважаемый.

– Американские самолеты над нашей территорией летают только с сопровождением, – отбарабанил летчик. – Их всегда ведут три или четыре истребителя. Янки тщательно отслеживают свои рейсы.

Одноглазый вопросительно уставился на длиннородого. Тот задумчиво пожевал губами, отпил из пиалы, склонился над бумагами и начал что-то мысленно прикидывать.

– Китайцы? – тихо предположил одноглазый.

Длиннобородый качнул головой, как-то неуверенно коснулся столбика букв и цифр, потом осведомился:

– А это кто, любезный?

Очкарик подлетел к нему, потянулся к бумагам и неловко задел пиалу, которую длиннобородый мужчина держал в отведенной руке. Гость зашипел, отдернул ладонь. Пиала выскользнула из ухоженных пальцев, желтые потеки украсили добротную ткань халата.

16 августа 1995 г. 9 часов 15 минут

Витька Карданников – худошавый паренек со смешливым лицом и вздорным хохлом на макушке – отшатнулся от экрана, где билось в судорогах повешенное тело. В горле пересохло, зачесалась шея. Солнечное утро заглядывало в застекленные двери магазина электроники. Приглушенно бормотал кондиционер.

За витринами торгового центра гудел, искрился на солнце «город купцов» Дубай, главный туристический центр Ближнего Востока, вотчина и любимая игрушка семьи Аль Мактум. Сверкали небоскребы на Шейх Заед Роуд, тянулись в небо серебристые башни-близнецы Эмирэйтс Тауэрз, исправно работал самый крупный в мире торговый центр. Рестораны, клубы, магазины, бары...

Сквозь стеклянную витрину было видно, как проносятся по улице лучшие образцы мирового автопрома. У здания напротив сидел старик в белой чалме и с бельмом на глазу. Он перебирал четки и что-то шептал. Скользнула женщина, закутанная в бесформенную «бурку», повернула голову. Вместо лица – густая решетка паранджи.

Продавец в белом бурнусе спрятался в конце ряда и настороженно следил за единственными посетителями. Готов – степенный, кряжистый, с жестким ежиком и сросшимися бровями – ковырялся в соседнем телевизоре.

Он покосился на взволнованного спутника и спросил:

– Чего вспотел-то, Витька? Кондишен вроде в норме. – Готов проследил за работой оператора, который со странной любовью обсасывал в разных ракурсах один и тот же объект, пожал плечами и заявил: – Дикари, что с них взять. Принято здесь так – прилюдно казнить преступников. Футбол дерьмовый, элементы шоу не повредят. Скажи-ка, этот ящик нормальный? – Он ударил ладонью по изучаемому телевизору.

– Нет. – Витька сглотнул, помотал головой. – Дрянь китайская. Трубка – барахло. А вот этот нормальный. – Он кивнул на «Шарп» с диагональю в 21 дюйм, в котором как раз сменилась картинка и диктор стал зачитывать курсы акций.

Витька оторвался от телевизора и двинулся по ряду, уставленному бытовой техникой – видеомагнитофонами, видеодвойками, микроволновыми печами, соковыжималками, какими-то диковинными штуками с сомнительным лейблом «Сделано в Японии».

– Так давай брат. Ты куда? – бросил ему в спину Готов. – На хрена тебе эти кофевальницы?

– Сейчас, погоди. Гляну, чего у них в ассортименте.

– Ну, глянь. – Готов кивком подозвал продавца, который неохотно отклеился от витрины и задумался, стоит ли овчинка выделки. – Давай быстрее, чурбан, шевели чувяками. – Арабского языка, по счастью, Готов не знал.

– Размечтался, – хохотнул Витька, стаскивая с верхней полки коробку с ксероксом. – На арабских скакунах воду не возят, понял? Слушай, Готов, отгадай загадку: без рук, без ног, а рисовать умеет!

– А хрен его знает, – простодушно отозвался Готов. – Сам-то знаешь?

– Ксерокс.

Продавец знал не больше десятка русских слов. Он подходил неторопливо, с достоинством. К российским покупателям в торговых центрах процветающих нефтедобывающих государств относились снисходительно, хотя и без щенячьего восторга.

– Вот таких восемь, понял? – Глотов ткнул в отобранный «Шарп». – Восемь, ферштейн? – Он показал растопыренную пятерню и еще три пальца. – Мелкий опт, соображаешь? Сколько скидка?

Продавец заволновался, закаркал, вращая белками глаз:

– Ноу скидка, ноу... – Он начал размахивать руками, давая понять, что торг здесь неуместен.

– Как это ноу? – возмутился Глотов. – Ты с дуба рухнул, парень? Не шутил бы с серьезными вещами.

– Ноу скидка, ноу, – твердил продавец как попугай.

– Витька, ко мне! – Глотов покрывался краской негодования. – Пошли в другой магазин, нас здесь не любят!

– Бегу, Саня, бегу. – Витька вырулил из-за угла, таща в растопыренных руках огромный плоский телевизор. – Вот этот еще возьмем, в самолете, блин, смотреть будем... Ты что, Саня, серьезно? – запоздало дошло до парня.

Он грохнул телевизор об пол и распрямился в явной растерянности.

– Торговаться не хочет, злодей, – объяснил сложившуюся ситуацию Глотов. – Пойдем через дорогу, там такой же магазин.

– В натуре злодей, – решительно поддержал его Витька. – Да чтоб он подавился своей неземной жадностью!

Задрав носы, они прошествовали мимо растерянного продавца, выбрались на улицу, залитую солнцем.

– Считаю до трех, – пробормотал Глотов, украдкой скашивая глаза. – Даже не так. На счет «три». Один, два...

– Скидка, скидка! – вылетел за ними продавец. – Семь проценты, семь... – Он чуть не врезался в обиженных покупателей и выставил перед собой две растопыренные пятерни. На одной был подогнут мизинец, на другой – большой и указательный пальцы.

– Сейчас вернемся. – Глотов хмурился, чтобы не рассмеяться. – Может быть. Если не передумаем. Ну что, Витька. – Он уставился на хихикающего спутника. – Вот тебе и все Эмираты. Пиво, ночь, вояж по магазинам. А могли бы посетить мечеть Джумейру – прекрасный образец исламской архитектуры, исторический музей, дворец шейха, старый центр в Бар Дубай... Чего там еще в путеводителе было?

– Рынок «сук», – вспомнил Витька.

– Чей рынок? – не понял Глотов.

Роман Вакуленко – нескладный, угловатый, весьма придирчивый уроженец Сумской области – бродил по местному рынку, оберегая карманы от незапланированных инспекций. Рынок гудел, клубился. Пестрели вывески, дуканы. Стучали молотками башмачники. Брадобреи мыли, брили, стригли. Сновали водоносы с бурдюками из овечьих шкур. Дымились шашлычные. Лязг, гомон, лотки с калеными земляными орехами, прочими сладостями и съедобностями. Продавцы всего. Рулоны тканей, ковров, никелированная и медная посуда, подушки на цветных половиках, банки с корицей и тмином, горы фруктов, трав, коренья, грохот наковален, груды корыт и лоханей, витых железных кроватей, нуристанские ножи из нержавеющей стали, дутое стекло, лезвия, парфюмерия, жестянщики, сапожники, мясники, менялы, мелкие лоточники с тряпьем... Над всем этим грохочущим великолепием возвышался лазурный купол мечети, блестел минарет, усыпанный изразцами, с которого пристально взирал на толпу строгий глаз муэдзина.

Вакуленко знал, чего хотел. Он методично обходил торговые точки, заглядывал в палатки. Ювелирную лавочку Роман обнаружил на краю рынка, за палаткой, где розовощекий араб разливал зеленый чай.

Вакуленко перебирал какие-то колечки, бусы, брошки, хитроумные изделия из желтого металла. При этом он косил по сторонам, фиксируя потенциальную опасность. Карманных воришек здесь хватало.

Лопотал торговец с подчеркнуто простодушным лицом, прыгали его малолетние помощники, озирались покупатели. Языковой барьер был непреодолим. Если торговец еще мог связать несколько английских слов, то Вакуленко такое было не по силам в принципе. Он выбрал золотые сережки с рубином и пытался втолковать продавцу, что устраивает его в товаре абсолютно все, за исключением камня.

– Голубые, дурень, – твердил Роман бестолковому торгашу. – Понимаешь ты, чурка необразованная – го-лу-бые! Как глаза у меня. Вот смотри. – Он приложил к своим ушам золотые сережки. – Видишь, у меня глаза голубые? Звучит? Нет. Вот и дочке моей не прозвучит! Голубые! Ты понимаешь русский язык?

Арабы хохотали, надрывая животы и тыча в него пальцами. Какой-то шкет скользнул под рукой, но Роман успел зажать карман с кошельком. Недовольно заурчал черноусый родственник мальчишки, которому не понравилась затрещина, отпущенная его чаду. Вакуленко изобразил покаянным жестом, как ему жаль.

– Какой нада? – проявил торговец незаурядные познания в русском языке.

– Голубые! Ну, как бы тебе объяснить, дубине редкой?.. – Вакуленко завертелся. – Во! – Он ткнул пальцем в женщину в голубой парандже. – Такие голубые!

Дамочка вздрогнула, отвернулась. Откуда ни возьмись материализовался ее муж. Упитанный араб сверкнул глазищами, грозно сделал шаг, намереваясь схватить Вакуленко за воротник. Летчик сообразил, что перегнул, замотал головой и нацелил палец в небо, ослепительно яркое, без единого облачка на горизонте.

– Нет!.. – пробормотал Вакуленко. – Ошибочка вышла, господа хорошие. Небо голубое. – Он тыкал пальцем, словно зенитка, бесперебойно плюющаяся снарядами. – Вот такой надо, понял?

Когда Вакуленко волновался, он машинально говорил чисто по-русски, без украинских штучек. Публика веселилась, торговец морщил лоб, изображая мозговую деятельность. Потом он сообразил, заулыбался, тоже стал посылать пассы в небо.

– Нет как небо, – вещал этот бизнесмен с чудовищным акцентом. – Были, кончились.

– Дубина ты бестолковая! – Вакуленко сжал ладонями виски. – Чего же ты мне голову морочишь битый час!

– Завтра приходи, завтра, – лопотал продавец, ехидно улыбаясь.

За спиной Романа хихикали люди.

«Да это же всемирный заговор!» – догадался летчик. погрозил торговцу пальцем и заявил:

– Ну, смотри, подлец! Я завтра прилечу, чтобы было, понял? А то приду с Серегой, он вам вмиг ГКЧП устроит!.. – Роман посмотрел на часы и понял, что пора на аэродром.

Погрузка уже в разгаре. Карпатов мечется, психует, а народ разбежался, все с утра в городе, никого не собрать. Гражданский экипаж, дисциплина хромает.

Чертыхаясь, он выбирался из толпы, которая вдруг стала как-то прибывать, опутывать. Восток – это дело такое. Увязнешь по горлышко, потом не выберешься.

Грузный «Ил-76», приписанный к Казанскому отряду гражданской авиации, стоял под загрузкой у крайнего терминала летного поля, вблизи ангаров и вереницы складов. Прибы-

вали фургоны, молчаливые арабы стаскивали на землю ящики, волочили их по трапу в нутро самолета.

Карпатов – основательно за сорок, тяжеловатый, сероглазый – сидел в кабине, водил линейкой по полетной карте. Временами он вскидывал руку с часами и косился в иллюминатор, где пылал зноем раскаленный воздух Эмиратов. Напевая «Лето – это маленькая смерть», командир корабля рисовал дальше свои прямые и загогулины. Его взгляд скользнул по датчику топлива. Стрелка упиралась в крайнюю риску: полные баки. То же самое, что перекормленная кошка.

– Марк, ко мне!

Менеджер полета болтался неподалеку и возник как Хоттабыч.

Он всунул в кабину хитроватую физиономию и заявил:

– Слушаю, Владимир Иванович. Загрузка кончается, скоро полетите.

– Сколько ящиков? – Карпатов поморщился.

Временами реакция так называемого флай-менеджера не могла не раздражать его.

– Тысяча четыреста двадцать, – отчитался Марк. – А что?

– Вес?

– Сорок девять тонн. – Менеджер для проформы помялся. – С половиной...

– С половиной? – ядовито процедил Карпатов. – А это? – Он ткнул карандашом в датчик топлива. – Еще девяносто? Твоя работа?

– Ну, моя. – Марк пожал плечами. – Так это самое, Владимир Иванович...

– Ты куда столько набухал? Это же не водка!

Марик покаянно съежился и забормотал виноватым голосом:

– Так здесь дешевле, Владимир Иванович, горючка почти даром. Нам этого добра на четыре полета хватит, сами же потом спасибо скажете.

– Толкать ты будешь? – Карпатов невольно улыбнулся, вспомнив бородатый анекдот: «А теперь, товарищи пассажиры, пристегните ремни. Посмотрим, взлетит ли эта хреновина».

Марик приободрился.

– Толкать не надо, Владимир Иванович. Зачем толкать? Вы же летчик первого класса, гордость и краса воздушного флота, вы сумеете.

– Дальнобойщик я, – буркнул Карпатов, отворачиваясь от хитрой физиономии. – Вожу по ухабам что попало. Ладно, попробуем. Что везем на этот раз?

– Все по закону. – Менеджер отчего-то смутился.

– Твою мать!.. – ругнулся Карпатов. – Я что-то непонятное спросил?

– Патроны. – Марк вздохнул и смог непостижимым образом не покраснеть.

Он деловито раскрыл папочку, которую держал под мышкой, сунул для изучения командиру экипажа.

– Все легально, Владимир Иванович. Груз разрешенный, сами смотрите. По всем правилам воздушных перевозок патроны считаются амуницией. Гуманитарный груз, так сказать. Не режьте без ножа, Владимир Иванович, я знаю, что говорю. Достоверный факт, невзирая на полную, надо признаться, дичь.

– Владимир Иванович! – В кабину всунулся запыхавшийся Вакуленко. – Вы посмотрите, шо делают! Ну куды воны пихают?! Воны мени вси люки обломают, косоручки!.. Марик! – вспомнил он. – Там бутузятся чего-то, вроде ящиков не хватает.

– Как не хватает?! – ахнул Марк, выскакивая из кабины.

Вакуленко опустил на сиденье радиста, вытер рукавом взопревший лоб. Он усердно делал вид, что никуда не отлучался.

– Вот с самого ранья такая катавасия. Все через гузно. А куда летим, командир?

– В Кабул, – проворчал Карпатов, складывая полетную карту и выбираясь из кабины на трап.

Жарища царила невероятная. Воздух раскалился. Он глянул на часы – десять двадцать утра. Замечательно живем, до отправления несколько минут, а из пяти членов команды присутствуют двое. Включая командира. Опять придется молнии метать.

Тут объявилась еще парочка. Подкатил грузовичок с будкой. Из него выскочили Витька с Готовым, стали что-то на пальцах объяснять водителю, а они в этой стране демонстративно непонятливые, побежали к кузову. Готов возился с креплением, Витька рванул обратно и стал сигналить водителю, чтобы встал поближе к трапу.

Затоварились ребята. Где же Серегу носит?

Полетный менеджер энергично ругался с грузчиками. Старший команды, кривоногий араб, совал Марку мятые бумаги, что-то лопотал. В грузе действительно чего-то не хватало. Двое туземцев нехотя потащились к фургонам. Карпатов посмотрел на часы: десять двадцать пять.

Арабы притащили недостающий ящик с таким видом, словно свой отдали, загрузили его в самолет. Довольный Марк поднялся по трапу. Он достал из сумки компактную видеокамеру, пощелкал кнопками, стал водить объективом по далекому зданию аэропорта, по взлетной полосе, по грузчикам, толкущимся у машины. Закончив работу с антуражем, менеджер повернул объектив, вдумчиво снял богатырский торс капитана, приблизил, запечатлел его меняющуюся физиономию.

– Зашибись! – заключил Марик и немного насторожился – Карпатов с изменившимся лицом медленно спускался к нему. – Вчера купил, Владимир Иванович, – смущенно объяснил менеджер. – У них тут дешево. Сто двадцать долларов – разве это деньги?

– Покажи, – попросил Карпатов.

Марк поколебался, отдал камеру. Карпатов задумчиво повертел эту штуковину в руках, прикинул на вес... и вдруг с размаху шмякнул о бетонку! Марик подавился, ошарашенно уставился вниз. Застыли Витька с Готовым. Дружно повернулись арабы, толпящиеся у грузовика.

С интересом уставился на разбитую камеру мужчина европейской внешности в черных очках и с выправкой выпускника Вест-Пойнта. Он стоял в стороне и тихо беседовал с сотрудником службы безопасности аэропорта.

– Вы что, Владимир Иванович? – зашлепал губами Марик. – Ведь это же!.. Да как же так?

– Ты что творишь, падла? – процедил Карпатов, наезжая на Марика.

Тот невольно отступил.

– Я же только снять хотел, Владимир Иванович, – бормотал посиневшими губами Марк. – На вечную память, так сказать.

– Угробить нас хочешь? Пшел вон отсюда! Снять он нас хотел на вечную память... На могилу нас снимаешь?

Злость у командира экипажа прошла, озноб остался. Страшная примета для летчика – фотографироваться перед полетом. Ни один пилот на такое не пойдет. Бесполезно объяснять, что это суеверие, предрассудок, полная глупость.

В каждой профессии свои законы. Космонавт – не космонавт, если перед запуском ракеты не напишет на ней «Таня». Музыкант провалит выступление, если в день концерта встанет не с правой ноги и уберет за собой кровать. Моряку возбраняется совать пальцем в небо, если он не хочет навлечь гнев богов и страшный шторм, а еще на корабль, выходящий из гавани, если не торопится обречь его на верную гибель. Врачи не любят меняться дежурствами – покоя не будет в этот день. Саперы не прощаются, уезжая на вызов, не произносят слово «последний» в любом контексте. Пожарные не чистят сапоги во время дежурства, а

когда выходят из отпуска, дают полить себя водой, если не желают скорого вызова. Актер, обронивший пьесу или роль, должен непременно на нее сесть и с нею же подняться.

Карпатов поднялся к люку, стараясь не смотреть назад, глянул на часы. Десять тридцать. Где же носит беспутного Серегу?

И тут на краю поля заверещали вразнобой полицейские сирены. Час от часу не легче!..

Он с разгона врезался в воду. Капельки брызг, бисер пузырьков и синяя, глухая, прозрачная до изумления тишина. Видно вплоть до дна, а на самой глубине – красотища неопи-суемая. Кораллы прилепились к камням, шныряли полосатые неоновые рыбки. Ленивая медуза распростерла щупальца, дремала на окатыше. Над ней висит точеный, словно вышед-ший из-под фрезы конек-горбунок.

Впрочем, красоты морского дна Серегу не волновали. Наверху, там, где море переходило в небо, висели и плавно покачивались ножки. Их было много, всевозможных калибров, степеней утолщенности, загорелости и даже волосатости. Он медленно плыл, лавировал между прелестями, выбирал деловито, рассматривал их пристально и придиричливо. Кислорода в легких пока хватало. Несколько конечностей Серега решительно отверг. Две из них и вовсе оказались мужскими! Он остановился на обособленных от прочих и оценил – вроде бы ничего, подплыл поближе, сделал круг – правда, вполне себе ничего.

Он ринулся к цели, растопырил руки, но то ли промазал, то ли ножки увернулись. Ухватить вожделенный объект ему удалось лишь за руку. Серега отмочил такой номер и ахнул. На изящном запястье были водонепроницаемые часики, показывающие десять часов пятна-дцать минут. Дьявол! Куда умчалось время? Он больше часа болтался по пляжу Мамзар Бич! Парень всплыл, хватая воздух, кашляя.

Из-под резиновой шапочки на него смотрели испуганные голубые глаза вполнеба.

– Ой, вы кто? – спросила девушка на языке родных осин и ухабов.

Серега мучительно застонал.

– Нептун, – ответил сексуальный гигант, прекратив кашлять.

Сумел же ахнуть в воде!

«Эх, Серега, – подумал он. – Тридцать пять тебе, а ведешь себя как подросток, плюю-щийся гормонами. Когда же ты остепенишься?»

– Тьфу, – сказала девушка, отплывая на безопасное расстояние. – И куда же от вас денешься? Вы везде – в Эмиратах, в Гренландии, на Земле Франца Иосифа...

Все же в небесных глазах блеснул огонек интереса. Эх, профессия!..

– Простите, девушка! – гаркнул он, включая привод в коленках. – С удовольствием проведу с вами бессовестную ночь, день, неделю, а то и всю оставшуюся жизнь! Извините, надо бежать, дела, работа! Приходите завтра. Я буду здесь в это же время!

Он выкрикнул какие-то слова, полный бред о погоде, о том, что его недавно девушка бросила – два метра по воздуху и затылком о стену! – и сильными гребками поплыл к берегу. Серега выкатился из воды и побежал, лавируя между тихих, укутанных по самые глаза аборигенов и их вальжжных, раззолоченных мужей, пробился через стайку карапузов, метнулся к своей одежде.

Нет, она чужая! А как же ориентиры: пляжные кабинки, в метре – волосатое пузо, нацеленное в небо? Он опомнился, визуально уточнил диспозицию. Ориентиры неправильные. Его волной отнесло от пирса. Вдали стояли такие же кабинки, виднелось волосатое пузо. Как сказал один знакомый на далекой исторической родине: «Это не пузо, это я идею вынашиваю».

Серега бросился через пляж, оттоптав кому-то руку, руша замки из песка, добежал до нужного места, сгреб одежду. Он рванул к кабинке – закрыто! И это называется платный

пляж – пять дирхамов отдал! Бедолага сделал полукруг, ткнулся в соседнюю – тоже заперто! Кто-то копошился за дверью, ворчливо выражая недовольство.

Сергеа растерянно вертел головой. Золотистый песочек, люди отдыхают. За камнями милительная картинка: местная нимфа совершает омовение. Виртуозное занятие – мыться на виду у всех, завернувшись в тряпку от подмышек до лодыжек, да еще и с плотным покрывалом на голове!

Он решился и стянул мокрые плавки на виду у почтенной публики, отягощенной уставшими представлениями о морали.

Пляж завизжал. Это было нечто. Сотрясение основ! «Загорать и купаться можно только в пляжных костюмах» – предупреждала табличка на входе. Сергею аж мороз продрал, словно под ногами не песок, а льдины.

Он только и успел натянуть свои трусы и брюки, а пляж уже угрожающе гудел. Вопили тетки, укутанные в «купальные» хиджабы, их благочестивые мужья рвались в бой, размахивая кулаками. Серега бросился бежать. А наперерез ему уже летела толпа чернорубашечных полицейских. Откуда? Полиция нравов? Или она у них называется религиозной?

Он метнулся в сторону, махнул через низкую ограду, выбежал на дорогу, увенчанную пальмовыми опахалами. Погоня рассредоточивалась. Ну и бардак же затеял этот русский мужик! Серега смело бросился под колеса едва ползущего «Роллс-Ройса» и уперся руками в капот. Мол, айм сорри, гражданин! Шоколадная физиономия за рулем побагровела от ярости и страха, а беглец перепрыгнул через разделительную полосу.

Завизжали тормоза. Навороченный джип – неужели чистым золотом инкрустирован? – пошел юзом, ввинтился в бордюр, затрещало железо. Серега, сопровождаемый арабской руганью, перелетел встречную полосу и припустил вдоль чистенького тротуара, где уже наметился ажиотаж, вполне резонный в такой вот ситуации.

Он бежал мимо припаркованных машин, выискивая глазами свою, а погоня уже обтекала его с двух сторон. Самый рьяный полицейский с роскошными гренадерскими усами, размахивая дубинкой, мчался наперерез. Серега влетел в арендованный «Опель-Аккорд» восемьдесят восьмого года выпуска. Какое счастье, что здесь так просто взять напрокат машину вместе со страховым полисом! Дверцу он не заперал.

Мотор завелся, на капот хлопнулся полицейский с роскошными усами, расставил руки – не пущу! А сзади уже подбегал его «общественный помощник» – пыхтящий, отдувающийся араб, завернутый в пляжную тряпку. Серега вдарил по газам, но, конечно, на нейтралке, не полный же он кретин! Полицейского как ветром сдуло. Шумахер русского разлива переключил передачу, вырулил на улицу, забитую транспортом, едва не отправил в утиль «Мерседес», запаркованный под носом, и помчался по солнечной дороге, подрезая всех подряд.

Вообще-то, Сереге было весело. Он подумал, что усердию полиции этой страны можно только посочувствовать. За ним гналась целая кавалькада с воющими сиренами. Он мастерски вилял между дорогих лимузинов и хромированных седанов, практически игнорировал педаль тормоза. Мелькали высотные здания из стекла и бетона, белокаменные особняки, утопающие в зелени, люди в светлых одеждах. Магазины, магазинчики, лавочки, закусовые.

Он ушел с набережной под красный огонек светофора и ловко врезался в разделительный барьер, когда из переулка, визжа сиреной, выскочила очередная полицейская машина. И как подкараулили? Он обогнул ее, смяв при этом крыло своей тачки, и помчался дальше.

Сзади крушилось железо, орали люди. Неприятности, если вдуматься, катились за Сергеем, обрастая снежным комом. Он нырнул в первый попавшийся переулок, проехал мимо длинного забора, обросшего зеленью и цветами, опять куда-то свернул, затем еще раз, встал под упитанной пальмой. Серега послушал, как за спиной исполнили концерт полицей-

ские сирены, нервно посмеялся. Ох уж эта загадочная русская душа с ее чрезмерной эмоциональной составляющей!

– Успокойся, парень, ты еще не попал, – пробормотал он, посидел, наслаждаясь терпкими цветочными ароматами, глянул на часы, ахнул и включил передачу.

Нет, усердие полиции в этой стране – просто бич божий! Серега выбрался из городского лабиринта на солнечную трассу и покатил по средней полосе с разрешенной скоростью. Или же он просто думал, что соблюдает правила?! На обочине мелькнула машина дорожной полиции, с бордюра спрыгнул еще один блюститель долбанутой арабской законности, взмахнул...

Серге вспоминался расхожий анекдот. Мол, чем вооружены грабители на всех дорогах мира? Полосатыми палочками!

Он проигнорировал тутошнего гаишника, промчался мимо него. Разноголосые сирены снова били по ушам.

– Мать твою! – заорал он, ударяя кулаком по панели. – Да когда же вы, черти, кончитесь?!

Отбывание срока в арабской тюрьме в жизненные планы не входило. Серега утопил газ до упора, перескочил на третью полосу. До аэропорта оставалось меньше мили.

– Я чего-то не понимаю? – Карпатов шагнул с трапа ему навстречу, губы сжаты, глаза злые.

– Командир, прости, каюсь, не повторится! – провопил Серега, проносясь мимо него в самолет. – Улетаем, на хрен, отсюда, нас здесь не любят!

Он остутился и упал. Карпатов схватил его за шиворот, поволок в самолет, как нашкодившего щенка, пнул в нутро и остановился на краю трапа. Боевик, мама миа!..

Полицейские сирены уже оглушали. Несколько машин встали у тачки, брошенной Серегой за оградой. Люди в черных рубашках просачивались через аэродромный шлагбаум, бежали по квадратам бетонки.

Из самолета выскочил Марк, завертел головой и спросил:

– Что такое, Владимир Иванович?

– Разберись, – процедил Карпатов. – А мы полетели. Тебе же не впервой отмазывать Серегу.

Марк сложил губы бантиком.

– Как же так, Владимир Иванович? Я же с вами лечу, мне в Кабул надо.

– Останешься, кому сказал! – заорал Карпатов. – Не убежит твой Кабул! Давай! – Он толчком придал испуганному менеджеру стартовое ускорение. – И трап отсюда живо увозите!

Командир экипажа шагнул на последнюю ступень. Он уже был в самолете, и все же дернул его черт оглянуться. Плевать на полицейских, дорогу им уже заступали сотрудники безопасности аэропорта, люди арабской наружности, заинтересованные в своевременной отправке груза.

Карпатов встретился глазами с европейцем в черных очках. Тот стоял в стороне, говорил по мобильному телефону и холодно смотрел на пилота, застрявшего в люке.

Карпатов прошел в кабину, не удержался, дал Сереге крепкий подзатыльник и сел в кресло. Серега смиренно сложил лапки на груди, изобразив зайца.

– Да нормально все, командир, ну, подумаешь, задержался...

Карпатов врезал вторично – для тупых.

– Понял, – согласился Серега. – Не повторится, командир.

– В следующий раз практикой мочегонное с таблеткой йохимбе, – хмуро посоветовал Глотов. – И попробуй попасть в унитаз.

- Да при чем тут баба?.. – возмутился Серега и осекся.
- Что-то быстро он согласился, – задумчиво вымолвил Вакуленко.
- Кто? – спросил Витька, надевая наушники.
- Та Марик ваш... В Кабул не лететь.
- Поехали, нечего трепаться, – шикнул Карпатов.

Машина тяжело вырливалась на край взлетной полосы. Владимир Иванович гнал из головы дурные мысли, отдавал команды на взлет, экипаж их слаженно выполнял.

- Перегруз, командир, – поставил в известность Глов.
- Знаю, – буркнул Карпатов. – Марика благодарю.

Он активировал форсаж, машина тяжело покатила по полосе. Летчики видели, как энергично ругался Марк, окруженный черными полицейскими, переговаривались грузчики.

Человек европейской наружности провожал взглядом самолет, проплывающий мимо него. Он снова достал безумно дорогой мобильный телефон, что-то бросил в него и зашагал к джипу, припаркованному в тени ангара.

Машина замерла, набирая обороты. Турбины выбрасывали воздух, едва не срывая забор из сетки-рабицы. Самолет вздрогнул, покатила по полосе.

– Эх, сейчас бы по бутылочке пивасика на горлышко, – мечтал Витька, побледневший от волнения.

- Не вытнем, командир, – волновался Серега.
- Вытнем, – добродушно пробурчал Вакуленко.
- Может, пари заключите? – предложил им Глов.

Карпатов чиркнул большим пальцем по кончику носа, потянул штурвал на себя. У самого края полосы самолет оторвался от земли и принялся грузно набирать высоту.

Пилоты хохотали так, что тряслась кабина. Они расслабились. В иллюминаторе ослепительная синь, размеренно гудят турбины, бурая планета где-то внизу, далеко, да и хрен с ней. Серега натянул на физиономию маску для подводного плавания. Он кривлялся как шут гороховый. Все уже были в курсе его походов.

– Вот только не надо ля-ля, это мое ноу-хау, мужики! Все оценил, учел возможные последствия – и в бой.

– Может и прокатить, – допустил Глов. – Или нет. Но это ничего. Сломанная челюсть через две недели срастется.

– А если страшная, как крокодил? – спросил Витька. – Ты же по ногам не видишь.

– А задняя скорость для чего? – возразил Серега. – Пардон, мадам, обзаялся, я к вашей соседке...

– И как это у тебя получается? – с досадой осведомился Витька.

Серега снял маску, искоса глянул на Карпатов. Командир не возражал – мели уж, Емеля.

– Запомни, сынок, и детям с внуками передай. Бабы тоже люди. Бабы тоже хотят. – Довольный говорун откинулся в кресле, можно подумать, изрек глубокую мысль.

– Ну, не знаю, – разочарованно протянул Витька. – Я на Нинку сколько потратил!.. А толку? И так ухаживал, и эдак, и жениться предлагал. А чем закончилось?

– И прожили они долгую семейную сцену. – Глов хмыкнул.

– Без обид? – Серега усмехнулся. – Ты же знаешь, я твою Нинку долго не уламывал. И в косяки не упиралась, когда в койку тащил. Ну, не мог я смотреть на ее мучения с тобой.

– Конечно, ты же красавец у нас писанный, – буркнул заалевший Витька. – Девица ты наша красная.

Команда грохнула хохотом.

– Ну, не красавец я, конечно, – важно изрек Серега. – Но никому еще не был противен. Понимаешь, Витек, я разгильдяй по жизни, а ты серьезный, основательный и дико положительный мужчина. Ты их грузишь под завязку. Я предлагаю секс и быстро разбежаться, чтобы больше не встречаться. Если увидимся, ничего страшного – еще раз разбежимся. А ты им судьбу преподносишь. Чуешь разницу между судьбой и удовольствием на скорую руку? Вот они и тянут, взвешивают... – Он вскочил.

– Сядь! – сказал Карпатов.

Серега послушно плюхнулся на место.

– Существует мнение, что женщину хлебом не корми, а дай создать семью, – заметил Глотов. – Замуж они хотят.

– Хотя, – согласился Серега. – Но секс и тяжелая семейная жизнь – две разницы. Там легкий кайф, а тут целая вечность. А новое поколение выбирает пепси.

– А еще прокладки, средства от прыщей, кариеса и накипи, – буркнул Глотов.

– Ага. – Серега заржал. – Одобряю, Витек, твое стремление создать семью. Ты же сирота... оно психологически понятно. У тебя отца-матери никогда не бывало.

– Есть отец. – Витька уставился в пол. – Владимир Иванович...

– Это да, – согласился Серега. – Командир нам всем отец родной. Особенно вон Вакуленке. Не, мужики, вы не сечете. – Серега снова вскочил. – Вот покупаешь ты часы, Витек. Или машину. Ты их, блин, перебираешь, присматриваешься, что-то спрашиваешь у продавца, уйму времени загубишь, пока купишь. Потому что надолго. А батон колбасы...

– Ты сидеть можешь? – вздохнул Карпатов, посмотрев на часы.

Сорок минут в воздухе. Пролетели Иран.

– Да не могу я! – разозлился Серега. – Задница устает. Не уставала бы, я стал бы писателем.

Машина вошла в зону турбулентности. Пилоты терпеливо и привычно ждали, пока закончится тряска. Самолет немного снизился. Под ним расстилался марсианский пейзаж: голая каменистая земля, невысокие горы, от которых убегали цепочки отрогов, сухие прокаленные осыпи. С севера приближалась фиолетовая туча.

– Тоска, мужики. – Серега глянул в иллюминатор. – Афганистан, чтоб его!.. Как тут люди живут?

– В Афганистане я пока невесту не искал, – задумчиво пробормотал Витька.

– Здесь нет невест, – подал голос Карпатов.

Он пристально глядел перед собой, сжимая штурвал. В голову командира экипажа снова забирались дурные предчувствия.

– Местные барышни, конечно, специфичные, – вещал Глотов. – Впрочем, была у меня тут одна, чего уж греха таить. Валя из особого отдела. – Маска меланхолии улеглась на мало-выразительное лицо штурмана.

– Когда? – удивился Витька.

– Давно. – Глотов вздохнул. – Двенадцать лет назад, в восемьдесят третьем. Ты еще в трусы мочился. Поймали меня по пьяному делу, доставили в особый отдел, а там эта нимфа. Ранили Валюшу через полгода, из «Мухи» по штабу засадили. Народу тогда полегло – страсть. Но вроде ничего, оклемалась, замуж вышла в девяностом. А меня забыла. Всех забыла. Заново жизнь начинала. Так бывает, медики называют такое состояние транзисторной глобальной амнезией.

– Ты шо, воевав тут? – не сообразил Вакуленко.

– Нет. – Глотов помотал головой. – Свиной выращивал да на танцы бегал. Эх!.. – Он вновь прилип к стеклу. – Забросили здесь все, запустили. А ведь при наших, если разобраться, не только воевали. Тысячи тракторов сюда привезли поля пахать, земельную реформу проводили, мелиорацией занимались, пустыни обводняли.

– Зачем мы в Афганистан полезли? – Серега пожал плечами. – Своих проблем, что ли, не было? Бабок уйму вбили. Запустили эту мультку про интернациональный долг.

– Это не мультка. – Глотов напрягся. – Мы свой долг тут выполняли.

– Солдатский – да, – согласился Серега. – Но интернациональный... Перед кем, позвольте спросить? Ты же воевал, знаешь, кто такие афганцы. У них один Аллах на уме, а твой социализм им глубоко по барабану.

– Да, возможно, – неохотно признал Глотов. – Неверными нас считали. Бросались на танки с голыми руками, умирали за Аллаха. Им головы запудрили. Мол, смерть в бою служит пропуском в рай, а там уже ждут каждого семьдесят две девственницы, море жрачки, вечное блаженство. Для них и русского убить почетно, и самому копыта отбросить. Убьешь врага в бою – станешь гази, воином ислама, прикончат тебя – будешь шахидом, мучеником за веру. Вот и лезли под пули, а потом их родственники клялись нас убивать, потому что кровная месть у них. Но не все такие. Были прекрасные парни с абсолютно нормальным пониманием жизни.

– Серега прав, не стоило влезать в эту мясорубку, – заявил Карпатов. – Сколько наших полегло! А по поводу того, зачем ввели войска... Не постичь нам великие тайны Кремля, коллеги. Одни считают, что вторжение в Афган было первой ласточкой. За ней рывок к Персидскому заливу и Индийскому океану. Другие думают, что мы охраняли нашу Среднюю Азию от вторжения дикого ислама, третьи – что у нас вообще никаких планов не было, просто воспользовались моментом и прибрали то, что плохо лежало.

Беда пришла внезапно. Мимо лобового стекла с оглушительным ревом пронеслось гладкое тело истребителя, ушло в фиолетовую тучу.

– А? Шо? – Вакуленко вытянул цыплячью шею.

– Черная кошка дорогу перелетела, – заявил Глотов и машинально хмыкнул.

– Сколько всего неожиданного. – Витька икнул. – А ведь ничто не предвещало чудес!..

– Вроде наш, – неуверенно заметил Серега.

– Какой, к дьяволу, наш, – со злостью проговорил Карпатов. – Откуда в Афганистане наши истребители? Шесть лет, слава Аллаху, как вышли... – Он не сдержался и заорал, багровея: – Совсем они там охренели?! Какой у них эшелон?!

– Товарищ командир! Владимир Иванович! Вас! – Витька побледнел, стащил наушники, протянул Карпатову.

– Жена звонит, – неуверенно пошутил Глотов. – Соскучилась.

Карпатов нацепил наушники, уже догадываясь, что не услышит ничего приятного.

Сквозь треск помех прорезался голос диспетчера, твердящего на ломаном английском:

– Борт четырнадцать двадцать семь, приказываю вам посадить самолет. Борт четырнадцать двадцать семь, приказываю вам посадить самолет...

Он усмирив нахлынувшую панику, резко повернулся к штурману Глотову и спросил:

– Где мы, Сашка?

– Кандагар, Владимир Иванович.

Столица одноименной провинции. Ну и хрень!..

– Сожалею, но мы не можем посадить самолет, – ответил по-английски Карпатов. – Мы следуем в другой аэропорт.

Снова, разрывая барабанные перепонки, мимо пронесся истребитель, но теперь не скрылся в облаках, а проделал дугу и пристроился к левому борту транспортника. Самолеты летели рядом, была видна потертая советская символика на фюзеляже, улыбающаяся физиономия пилота. Летчику было немного за сорок, он обладал располагающей внешностью, улыбался широко и добродушно.

– Говорю же, наши, – неуверенно сказал Серега.

– Хренаши, – зло отозвался Карпатов. – Из прошлого вылезли.

Витька икнул и заявил:

– А я читал, бывают такие дыры в пространственно-временном континууме. Летишь, летишь, и – хлопбысть! – ты уже в другом времени.

– Командир, а шо мы веземо? – спохватился Вакуленко.

– Володя, здравствуй. – Эфирные помехи пропали, и голос пилота истребителя прозвучал в наушниках до изумления четко.

Карпатов видел, как тот приветливо помахал рукой.

– Адель? – спросил он неуверенно.

– Рад, что узнал.

– А это что за крендель? – изумился Серега.

– Старый знакомец, – шепнул Карпатов. – Вместе учились в Вологодском училище. Афганец. В то время их много училось у нас. Приятелями почти были. Способный малый.

– Приказываю посадить самолет для досмотра, – снова затрещал в наушниках афганский диспетчер. – В случае неподчинения вы будете посажены принудительно. – Он коверкал английские слова, возникало такое ощущение, что зачитывал по бумажке.

Карпатов хмуρο уставился на свой экипаж. Ребята молчали – явно складывали в уме трехэтажные маты.

– Говорит борт четырнадцать двадцать семь, – ровным голосом сказал Карпатов. – Вы не имеете права меня сажать. Самолет принадлежит российским авиалиниям, мы следуем в город Кабул.

– А шо мы таки веземо? – вновь заволновался Вакуленко. – А, хлопцы? Мы шось веземо?

– Ты же за грузом следил! – рявкнул на него Серега.

Вакуленко как-то потух, втянул голову в плечи.

– Володя, посади самолет, на земле разберемся, – вкрадчиво сказал пилот истребителя. – Давай по-хорошему, зачем нам эти скандалы в небе?

– Адель, с какой стати? – возмутился Карпатов. – Наш борт везет гуманитарную по...

– Если вы не посадите самолет, мы откроем огонь, – долдонил диспетчер.

– Владимир Иванович, та нехай им, дурням, давайте сидать, – бормотал Вакуленко, покрываясь серыми пятнами. – Хлопцы, шо в героев играть? А, хлопцы? Та на хрена нам это?

Карпатов чиркнул себя по носу большим пальцем, отключил автопилот и скомандовал:

– Всем пристегнуться. Серега, на ручное.

– Есть, командир! – Серега заискрился от возбуждения.

– Готов, соседний эшелон... – Он твердым голосом отдавал команды. – Двадцать два девять. Витька, свяжись с отрядом.

– Есть! – гаркнул Витька.

– Рома, приготовься, скинем горючку.

– Та есть, – фыркнул Вакуленко. – Шоб ему бис...

Команда работала слаженно и четко. Серега дерганул несколько тумблеров. Вакуленко распахнул люк машинного отделения.

Витька бормотал:

– Казань, Казань, я борт четырнадцать двадцать семь, как слышите? Прием, Казань.

– К горам пойдём, – сухо проинформировал Карпатов.

Самолет разворачивался, делая вираж. Осталась позади фиолетовая туча, истребитель пропал из вида. Впрочем, ненадолго. Он снова с ревом их нагнал, шархнул по траверсу трассирующими снарядами!

– Володя, давай жить дружно, – миролюбиво предложил пилот. – Ну, подумай, зачем нам эти заморочки? Присаживайся, давай поговорим.

– Эх, сейчас бы берданку, – размышлял Серега. – Да по этой утке дуплетом...

– Промажешь мимо утки, – мрачно пошутил Глов. – Медсестра ругаться будет.

– Да шо вонь нам зроблять, парни? – продолжал гундеть Вакуленко. – Ну, досмотрят, и все. Хлопцы, товарищи, граждане дорогие...

– Кто командир, ты? – Серега резко повернулся к нему.

– И правда, Владимир Иванович, давайте решать, – робко заметил Витька. – Казань молчит.

Истребитель снова пальнул, трассеры прошили сереющее небо и стинули в бесконечности.

– Вызывай, не сачкуй, – процедил Карпатов. – Вакуленко!

– Та тут я, куды ж я денусь, – проворчал бортинженер.

– Адель, я сесть не могу, – бросил в микрофон Карпатов. – У меня горючки под завязку.

Спалить сначала надо.

– Володя, кончай, а? – попросил истребитель. – Давай садиться, ну что ты, в самом деле?

– У меня горючего полные баки, – повысил голос Карпатов. – Не веришь, заходи, посмотри.

– А у нас приказ, Володя, – добродушно, но решительно гнул пилот. – Не подчинишься – собьют. Оно тебе надо?

– Кто собьет, Аделька? – не понял Карпатов.

Пилот выразительно молчал.

– Владимир Иванович, давайте сидать! – горячился Вакуленко. – Правда. Вонь же дурные, пальнут, и мало не покажется!

Серега с Витькой выжидающе смотрели на командира. Посадить самолет с полными баками? Эка невидаль для Карпатова. Глов отвернулся и расстроено покачал головой. Слетали, дескать, за хлебушком.

– Ладно, – принял нелегкое решение командир. – Поехали, провались они к чертовой матери.

Истребитель ринулся ввысь. За невысоким кряжем распростерлась долина – земля, изъеденная засухой, плоские крыши примитивных строений, усохшие деревья, прямая лента посадочной полосы, упирающаяся в кучку сараев. Полоса летела к самолету. Уже различались неровности бетонки, жухлые сорняки посредине, взорванная высоковольтная мачта где-то в стороне, путаница проводов и изоляторов, огромная чинара с волнистыми ветвями.

Карпатов посадил машину виртуозно – опыт, куда уж без него. Пилоты, не сговариваясь, прилипли к иллюминаторам. Унылая афганская действительность. Все серое, запущенное. Длинное строение барачного типа в окружении ломаного асфальта – очевидно, местный аэропорт. Во многих окнах даже стекла отсутствовали. Крытые грузовики вблизи ангара, старый советский заправщик, приближающийся трап. Рыло ручного пулемета целилось с крыши. Какие-то люди в длинных одеждах, рыхлых чалмах, вооруженные автоматами торопливо направлялись к застывшему самолету.

– Блин, они с оружием, – очень кстати обнаружил Серега. – А то полетели, командир, ну ее на хрен!.. – Он нервно хохотнул.

Трап не доехал до дверей, когда Карпатов отомкнул люк, перескочил на дребезжащую конструкцию и прыжками, пыхтя от гнева, кинулся вниз. Мелькнуло лицо, поеденное «фитофторой», черные глаза под кустистыми бровями. Первый туземец уже ступил на трап. Командир экипажа храбро отпихнул его. Громила сдернул с плеча автомат, провопил что-то

гортанное на языке своей пустыни. Карпатов опять его толкнул – прочь с дороги! – и зашагал в самую гущу, чувствуя спиной, что ребята не сидят, тоже высыпали. Бородатые афганцы расступались, целились в него из автоматов.

«Китайские стволы, – отметил он машинально. – На вороненой стали выбиты иероглифы. Ерунда, стрелять не будут. Не за тем сажали».

Он уперся в рослого субъекта с повязкой на глазу. Тот застыл, расставив ноги. Навороченный тюрбан, добротный халат, подпоясанный белым кушаком. Командиру экипажа пришлось остановиться.

Афганец внимательно смотрел ему в глаза. У него была седоватая, аккуратно постриженная борода, массивный нос картофельной формы. Правую челюсть прорезал глубокий шрам. Что-то подсказывало Карпатову, что хватать за грудки этого джентльмена не стоит.

– Что происходит, господа? Вы за это ответите! Вы силой посадили российский транспортный самолет, нарушив тем самым все международные...

– Где ваш флай-менеджер? – прокаркал на скверном английском недокормленный человек в криво сидящем тюрбане.

Знакомый голос. Сам диспетчер кандагарского аэропорта спустился с небес?

– Где ваш флай-менеджер? – повторил человек, косясь на одноглазого начальника, который с ироничной ухмылкой наблюдал за происходящим. – Мы имеем информацию, что вы везете в Кабул оружие!

С трех сторон в тело уперлись китайские автоматы. Суставы занули от тупой боли. Карпатов покосился через плечо. Члены экипажа по инерции бросились за ним. Люди с внешностью басмачей из советских кинофильмов отрезали летчиков от трапа, сбили в кучу.

– Какое, на хрен, оружие! – орал, распаляясь, Серега. – Командир, объясни этим пещерным людям!..

– Пукалки свои уберите! – шумел Глотов, бросаясь на стволы, как Матросов на амбразуру. Отбивался локтями белый как смерть Вакуленко. Витька, лишившись разума, ударил кого-то ладонью, за что и получил симметричный ответ – ногой в пузо. Он ахнул, согнулся. Оскорбленный афганец вскинул автомат, но прозвучал окрик. Одноглазого типа все слушались беспрекословно. Туземец сплюнул и утух. Вакуленко сцапал Витьку за шкирку, оттащил в сторону.

– Вы просто пираты! – взревел Карпатов и шагнул вперед. – Вы ответите за свои действия! Я сегодня же сообщу в российское консульство... – Он осекся, заметив, как загадочные искорки поблескивали в единственном глазу.

Меньше всего этого парня волновали оргвыводы из Кабула.

«Черт! – мелькнула ужасающая мысль. – Они ведь не имеют никакого отношения к правительству Раббани! Да ведь это же!..»

Карпатов тяжело дышал, одолевая ужас. Так вот почему зашло его сердце при слове «Кандагар».

Он по инерции сделал шаг вперед. Между ним и одноглазым боссом вклинился типичный басмач, вроде из узбеков, глазки узкие, в рваном треухе с болтающимися ушами, угрожающе поднял автомат. Салават Юлаев, блин! А за оружием не следит. Пуля когда-то расщепила приклад, лопнуло дерево, и обнажилась скоба.

Карпатов не любил, когда у него под носом махали оружием. Он схватился за «калашникова», вывернул вместе с руками и швырнул ствол на землю. Пусть видят, что нарвались на пацифиста! Владелец автомата отлетел в сторону.

Опять взревели луженые глотки, но уже по другому поводу. Черная толпа вывалила на летное поле из здания аэропорта, из-за ангаров, сараев. Кто-то лез через забор, кто-то под ним! Мужчины, женщины, старики, дети – орущие, грязные, в обтрепанных лохмотьях.

В считанный миг колышущаяся масса заполнила все свободное пространство. Люди рвались, наседали, тянули заскорузлые руки, кричали беззубыми ртами что-то злое и жуткое. Крики сливались в общий гул.

Карпатов невольно попятился. Страшновато. Оглянулся – как там коллеги? Все застыли, вылупились круглыми глазами. В натуре, мужики, эти хомо вовсе не сапиенс!..

Все могло кончиться плачевно. Толпа неумолима. Пленников просто растоптали бы! Но тут одноглазый тип взревел и махнул рукой. Автоматчики устремились наперерез толпе. Та ударилась в них, хорошо потеснила. Но они сдержали напор, встали цепью, заработали прикладами. Люди лезли, тянулись к летчикам, швырялись камнями, которые, слава богу, не долетали до цели.

Приклад разбил лицо чумазому пацану, тот упал на колени, охранник отпихнул его в толпу сапогом. Рухнула, визжа от боли, худая как веник, тетка в парандже. Старик в забавной шапке, похожей на ослиную голову, слишком рьяно размахивал клюкой, попал случайно в ухо охраннику и упал, когда приклад разбил его цыплячью грудку.

Напор толпы удалось сдержать. Люди теснились за цепью автоматчиков, выкрикивали какие-то сумбурные агитки, махали палками. Отползали искалеченные.

Несколько афганцев выслушали приказ одноглазого босса, гуськом побежали к трапу, исчезли в чреве самолета. Прошла минута, и они, победно каркая, снесли по ступеням зеленый ящик, бросили на бетонку. Дерево расколосось от удара, из ящика вывалились, стали раскатываться, брэнча по бетону, желтые снаряды!

– Отдайте нам менеджера! – пролаял диспетчер. – Вас мы отпустим. А его надо расстрелять!

Минута молчания была короче, чем пауза между сигналами точного времени.

«Вот оно что, – сообразил Карпатов. – Тот ящик, самый последний. Который якобы забыли в грузовике. Подстава!»

В голове командира экипажа вдруг вспыхнула недавняя картина: Марик – возбужденный, дерганый. Арабы, забрасывающие патроны в грузовой отсек. Неведомый европеец в черных очках, его мобильник, пристальный взгляд. Усердие службы безопасности аэропорта по «обезвреживанию» полицейских, которых привел на хвосте дурковатый Серега.

Началось действительно страшное! Еще звенели, колотились снаряды, а толпа повторно взревела. Ярость биомассы плеснула через край. Охранников смели как картонную изгородь. Взвились палки, арматурные штыри. Одноглазый тип мигом пропал, успел слинять, видя такое дело. Скачками помчался прочь диспетчер. Толпа нахлынула как снежная лавина!

Вот теперь уже летчики бились смертным боем. Терпеть это дело с христианским смирением было глупо, хочешь жить – дерись!

Карпатов работал обоими кулаками. В последние годы командир экипажа раздобыл, заелся, давно не было практики. Он разбил в кровь орущую физиономию, врзал по кривым зубам, обладатель которых никогда не слышал про кариес, отшвырнул страдальца на другого одержимого.

Владимир бросился вперед, очень кстати вспомнив про лучший способ защиты. Он снова бил, ломал растопыренные пальцы, лезущие в лицо. На нем висели визжащие чертеньята с чернильными глазами, один вцепился зубами в плечо, другой выкручивал мизинец. Речь о сострадании уже не шла. Он воспитывал подрастающее поколение самым жестким образом, раскрутил как карусель, отправил в толпу сперва одного, затем другого.

Штырь арматуры свалился на стопу, но боли он уже не чувствовал, схватил железку, стал вертеть перед собой. Схлынула толпа, образовался вакуум, что позволило командиру экипажа оценить обстановку, а также достижения и провалы коллег по работе.

Вакуленко отбивался от двух баб, которые лезли на него, растопырив клешни. Он орал на своем великом и могучем суржике, отдирая от себя цепкие длани. Хохол не видел, как сзади к нему подкрадывался юноша, переболевший, судя по коросте на физиономии, чем-то страшным и, безусловно, заразным.

Перепуганный Витька отбивался всеми конечностями, кровь сочилась со скулы на землю. Кто-то толкнул его, Витька не устоял, повалился, но и в партере не потерял достоинство русского летчика. Он крутился, извивался, как танцор брейка, вскочил, вооружился крупной палкой, отоварил первого встречного по хребту и засмеялся злорадно, почти счастливо.

Глотов и Серега держались спиной к спине. Они вошли в раж, орали, совали кулаками во все, что двигалось. Мат царил пятиэтажный. Отбившись, Глотов побежал на выручку Витьке, которого трясли два здоровенных снежных человека. Серега прыгнул, сбил юношу, который уже оседлал Вакуленко, занятого своими делами.

Охранники рассеялись и отбивались поодиночке. Кто-то из них выбрался из толпы, пытался улизнуть.

– Ну что?! – рявкнул Карпатов. – Покажем этим неучам?!

Адреналин хлестнул в кровь пилотов. Серега взревел бизоном, Глотов заулюлюкал, Витька засвистел. Они похватили с земли то, что попало под руки, встали плечом к плечу и двинулись вперед, кроша и ломая.

Длинная очередь перекрыла рев толпы. Карпатов остолбенел.

– Падай, командир! – Серега толкнул его.

Повалились все. Афганец с перекошенной физиономией, расставив ноги, поливал из автомата поверх голов. Кто-то попытался привстать, и тут же ударила вторая длинная очередь. Карпатов приподнялся – все свои лежали, закрыв головы.

Афганцу было мало, он палил и палил, опорожнил рожок, вставил новый. Пули разлетались веером. Схлынула толпа у здания аэропорта. У стрелка началась истерика. Кровь сочилась с разбитого лба, он что-то каркал, продолжая вести огонь. Ствол автомата раскалился. Афганец вбил третий магазин. Неизвестно, чем кончилось бы все это, но тут к герою подскочил одноглазый босс и задрал горячий ствол в небо. Подлетели еще двое, отобрали автомат.

Толпа опомниться не успела. Началась вторая сцена кровавого действия. В гущу людей врезался «Урал», крытый брезентом. Кто-то не успел отпрыгнуть – захрустели кости. Люди бросались в рассыпную, падали, а грузовик неумолимо разрезал толпу. Водитель пробился к летчикам и одноглазому начальнику. Карпатов приподнялся, когда ржавый бампер остановился в шаге от него.

Охранники взбодрились. Двое или трое разгоняли людей, строчили поверх голов, остальные скрутили летчиков, поволокли к машине. Серега по инерции отбивался, попал ботинком кому-то в ухо. Остальные не сопротивлялись. Двое охранников уже топтались в кузове, принимали пленников, бросали на дощатый настил. Витька влетел туда с истошным воплем, завозился в грязи.

– Больно, дурак! – заверещал он, когда Глотов, пущенный как из пращи, отдал ему лодыжку.

Штурман надрывно, грубо хохотал. Летчиков загрузили в кузов, вместе с ними туда влезли трое охранников. Кто-то побежал, заколотил кулаком по кабине: вези, дескать.

Летчики свесились с борта, тыкали в толпу дулями и кулаками, свистели, улюлюкали.

– Что, зассали, паскуды?! – орал Витька, пытаясь добраться до физиономии живописного создания в лохмотьях, которое цеплялось за борт, не замечая, что машина уже едет.

Витька чуть не вывалился на бетонку. Карпатов охнул, бросился к нему, схватил за ноги. Удар нокаутировал бродягу, тот взмахнул руками и повалился в толпу.

– Покажи личико, Гюльчатай! – Серега хохотал, норовя сдернуть тряпку с головы высокой женщины, которая участвовала в драке наравне с мужчинами.

Проказа удалась, блеснули жгучие черные глаза, рассыпались волосы. Барышня в страхе завопила, бросилась ловить свое хозяйство.

Грузовик вырвался из толпы, обогнул здание аэропорта, покатило по разбитой дороге в город. Фанатики отстали. Летчики рухнули в изнеможении, кто-то стонал, кто-то смеялся. Охранники сидели в глубине кузова, наставив на пленников автоматы. Вакуленко жалобно стонал, хотя особых повреждений не получил.

Территория аэропорта давно осталась позади. Машина катила мимо покосившихся строений, лавируя между повозками, старыми армейскими грузовиками, трескучими трехколесными моторишками индийско-пакистанского типа, людьми на конях. «Урал» проехал мимо ржавой цистерны со странной надписью «Огнеопасно», легковой «тойоты» со снятыми колесами, на капоте которой аршинными буквами было выведено: «АТОУОТ». Чума-зая ребятня бежала за грузовиком, глазели вслед прохожие.

Водитель свернул с широкой улицы и погрузился в скопление глиняных полуземлянок. Он решил объехать центр второго по величине и значимости города Афганистана, по которому проходил когда-то Великий шелковый путь из Азии в Европу, отмеченный самим Марко Поло.

– Ну что, Витька, будем искать невесту? – вдруг спросил Карпатов.

Витька захохотал дурным смехом настолько заразительно, что остальные тоже стали смеяться. Охранники настороженно поедали их глазами, перешептывались, сжимая автоматы.

– А я все думаю, чего вин так скоро согласился, – вдруг сказал Вакуленко, сел на пол и начал чесаться.

– Кто? – не понял Карпатов.

– Та Марик твой. Тоже ведь в Кабул лететь собирался. Так нет, убежал, долго не рыпался.

– Ага, – согласился Серега. – Сука поганая!

– Гадина! – выплюнул Витька, проковырял дыру в гнилом тенте, разорвал ее пошире и уставился на унылый пейзаж.

Кандагар остался в стороне. Грузовик пылил по тряской дороге. За бортом простиралась барханно-черная равнина, проплывали глинобитные дувалы кишлаков, круглые крыши жилищ, прятавшихся за оградами. И снова каменистая пустыня – дашти, безраздельная вотчина змей, скорпионов, ядовитых пауков. Здесь почти не было растительности, лишь кое-где торчали метелки полыни, верблюжья колючка.

Мосты через засохшие русла рек, поля, огороженные глиняными заборами, полуразрушенные строения виноградных сушилен с черными рядами проемов. «Урал» проехал мимо стада. Сбились в кучу понурые овцы и козы. Каждое животное искало укрытие от палящего солнца, норовило спрятать голову под брюхо соседа. Чем они тут, интересно, питаются?

Машина въезжала в саманный, охрово-серый городок. Первым встречным был ослик, навьюченный незнамо чем и ведомый седобородым афганцем. Вторым – голый по пояс мускулистый хазарец. Потомок воинственного монгола толкал двуколку, забитую древесными обрубками. Шлепали чапли – открытые сандалии из грубой кожи.

– Паскуда твой Марик, командир, – поддержал тему Глотов. – Дерьма кусок. Мне тоже показалось странным его поведение. Такое ощущение, словно он знал о чем-то.

– А чего от нас хотели эти абреки, командир? – поинтересовался Серега.

– Марка они хотели, – буркнул Карпатов. – Патроны – разрешенный груз, снаряды – запрещенный.

– Но мы же не везли снаряды!..

– Подбросили, – подсказал Глотов. – Типичная подстава. А Марик хрен теперь признается.

– А мы тут при чем? – возмутился Витька. – Кто мы такие? Простые дальнбойщики, даже знать не обязаны, что перевозим.

– Вот этим расскажи. – Карпатов кивнул на охранников.

– Ну и рожи, – поморщился Серега. – И как их терпят в правительстве?

Карпатов промолчал. Мнение по данной теме у него еще не сформировалось.

– И что нам теперь делать? – спросил Витька.

– Будем искать тебе невесту. – Карпатов вздохнул, разряжая обстановку.

Вдруг предательский холодок побежал по спине командира экипажа. Все увидели, замолчали. Витька шумно задышал.

Грузовик переползал глубокие колдобины. У пыльного строения валялись горы грязных тюрбанов, халаты, бушлаты, рваные сапоги. По обноскам ползали, выискивая целые тряпки, чумазые оборвыши. Двое одновременно потянули на себя старые армейские штаны с гигантской мотней. Брюки треснули по застежке, «поисковики» возмущенно загалдели.

В том же дворе молчаливые люди в байковых халатах копали мотыгами ямы. Рядом лежали продолговатые свертки ткани, напоминающие коконы. Из них торчали босые ноги.

Карпатов шумно сглотнул. Женщины, закутанные с пяток до макушек, расстилали на свободном участке белые полотнища. Они повернулись, провожая глазами грузовик. Водитель преодолел последний ухаб, прибавил скорость. Из дома вынесли еще несколько тел, одно без головы, другое без рук, третье без лица, бросили на расстеленные полотнища. Кто-то уже тащил завернутого мертвеца к яме, остановился на краю, задумался, что важнее – быстрота или уважительное обращение с усопшими.

– Обязательно надо афганку попробовать, – прошептал побелевшими губами Серега. – Просто ради научного интереса – каковы они? Запасусь марганцовкой, валидолом, натяну десяток презервативов.

Захваченных летчиков провезли через весь городок. Конечным пунктом стал пустырь, окруженный чахлыми домишками и высоченными глинобитными заборами. Вакуленко подозрительно потянул носом. Пахло не салом. Воздух был тяжелый, знойный, насыщенный гнилостными миазмами. Мимо протащился босоногий парнишка в плещущих шароварах. Он нес на спине тяжелый куль, в свободной руке – ведро, вырезанное из консервного жбана с едва проступающими латинскими буквами.

Охранники отогнали людей в глубь кузова, двое спрыгнули, отбросили задний борт. Один из тех, кто ехал в кабине, распахнул кривобокую калитку в ограде.

– Выгружаемся. – Карпатов вздохнул.

Охранники наставили на пилотов автоматы. Крайних мер пленники дожидаться не стали, чертыхаясь, проклиная жару и местную партизанскую власть, спрыгнули на землю и по одному потянулись к калитке. Карпатов машинально отметил, что засов на ней отсутствует.

Открылся двор, посреди которого красовался колодец. В глубине стояло приземистое бетонное строение в виде буквы «П». Летчики побрели к нему, озираясь на охранников.

– Нормально, – с некоторым сомнением заявил Глотов. – Можно жить. Даже окна сохранились.

– На казарму похоже, – заявил Витька, не служивший в армии. – Или на барак, где ээки живут.

– Дом колхозника. – Серега хмыкнул, поднимаясь по расшатанному крыльцу, отворил скрипучую дверь, всунул нос в заброшенное здание.

Изнутри разило застойной вонью.

– Нет, мужики, мы тут ночевать не будем, это чересчур. Эй, ресепшн, мы так не договаривались! – рявкнул он бородачу, наступающему ему на пятки. – Мы требуем уважительного отношения к гостям вашей страны! Где наши люксы с видом на море и отзывчивыми горничными?

Охранник что-то пролаял, доходчиво показал стволом, где люкс и горничные.

Пленники уныло бродили по «номерам», предоставленным им. Большая комната, пол в бетонной крошке, каморка, служившая некогда подсобным помещением, крохотный туалет с желтым от старости белым другом, дверь, заколоченная грубыми досками и ведущая неведомо куда. Пахло гнилью, застарелой штукатуркой. Мебели не было, не считая груды грязных досок в углу, ржавых ведер и одинокого табурета с подкосившимися ногами, сидеть на котором было полезно для тренировки вестибулярного аппарата.

Оба пыльных окна выходили на калитку. Имелось еще одно в противоположной стене, но оно тоже было заколочено. Спальными принадлежностями гостиничный номер не располагал.

– Хорош афганский сервис, – заявил Витька.

– Эй, олухи! – крикнул во двор Серега. – А где кровати? Мы вам не кони спать стоя! – Ответа он не дождался, пнул с досады трухлявый коврик, взметнув столб пыли. – Ну, фашисты, за все ответите!..

Карпатов пощелкал выключателем. Под потолком зажглась пыльная лампочка.

– Зря вы так, ребята: Европа, пять звезд. – Он криво усмехнулся.

– «Рэдиссон афганский», – буркнул Глов.

Летчики растерянно топтались посреди комнаты.

– Ладно. – Карпатов сбросил оцепенение. – Подурковали и будет. Поехали, мужики. – Он твердым шагом направился к выходу.

– Куда, Владимир Иванович? – поинтересовался Вакуленко.

– Посмотрим, что за городок. Не пленники же мы тут.

– Боюсь, не выпустят. – Глов покачал головой. – Вы же помните их рожи, Владимир Иванович.

– Ладно, проверим. Вы идете или как?

– Та щось неохота, – неуверенно забубнил Вакуленко.

– Поехали, – встрепнулся Серега. – На рынок сбегает. Посмотрим, что тут продают.

Затея была глупа. Не успели они прошагать и половину двора, как из калитки высыпали вооруженные бородачи, перегородили дорогу, наставив автоматы. Вперед выступил пожилой отечный афганец с нездоровыми мешками под глазами, шагнул к Вакуленко. Не успел тот опомниться, афганец схватил нательный крестик, дернул, оборвал цепочку. Вакуленко ойкнул, схватился за шею.

– Ты чего творишь, урод?! – Серега выкатил грудь.

– Нельзя! – на ломаном русском пролаял старик. – Такой вещь нельзя!

– Я тебе дам нельзя! – Серега коршуном налетел на охранника, толкнул его, выводя из равновесия, стал отбирать крестик. – А ну отдай, таракан хренов!

Афганец отпрянул в толпу. Крестик остался у него. Охранники недовольно загудели. Старик вскинул автомат, передернул затвор.

– Нельзя! – пролаял он. – Такой вещь нельзя!

– Ох, кто-то сейчас допрыгается, – пообещал Серега и тупо двинулся в драку.

Почин подхватили Глов и Витька. Даже Карпатов шагнул вперед, сжимая кулаки.

– Я стрелять! – истошно завизжал старик.

Витька съездил по уху заморышу в узбекской тюбетейке. Глов подхватил с земли палку. Серега пер напролом, как пьяный революционный матрос.

– Стреляй, падла! – орал он, наезжая на старика. – Чего, сука, не стреляешь? Приказа не было? – Серега увернулся от приклада, ударил бородатого под дых, пошел крушить все подряд.

Заулюлюкал Витька, махая палкой. Глотов бросился, сбил с ног еще одного деятеля, желающего разможить Серегин череп. Карпатов пошел вперед, отшвырнул с дороги незадачливого бойца в тубетейке, схватил за руку старика, вывернул, разжал пальцы, почти добрался до креста. Но не успел.

На крыше здания, в которое их загнали, объявилась аналогичная публика. Часть дома, обнесенная забором, стыковалась с окружающим миром. Эти парни были настроены решительнее своих коллег. Они загалдели, долбанула по ушам автоматная очередь. Под ногами у летчиков взметнулись фонтанчики пыли.

Витька заверещал, пустился в пляс. Вырвать крестик не удалось. Пленников заталкивали прикладами в барак.

– Не отступать! – зарычал Карпатов.

Кровь ударила ему в голову. Он сбил с ног краснолицего пуштуна в каракулевой шапочке, отшвырнул его с дороги и снова нарвался на ураган огня. Зверское ощущение, что стреляют точно в тебя.

Пальба оборвалась. На крыше гоготали бородачи, тыча пальцами в растерянных летчиков. Крестик снова сплыл. Остались лишь оскаленные физиономии, жуткая вонь от немых тел.

Вакуленко заныл:

– Владимир Иванович, товарищ командир, хлопцы, не надо. Ну их в болото, придурков. Шо нарываться? Еще подстрелят сдуру. Нельзя, значит нельзя. Пошли до хаты. – Он засеменял к дому.

Ряды российских летчиков дрогнули. Витька выбросил палку, припустил за Вакуленко. Спотыкаясь, озираясь на ржущих охранников, остальные потащились в дом.

– Что ты делаешь, Вакуленко?! – Серега пинком распахнул дверь и так врезал по единственному табурету в доме, что у того отвалилась одна ножка из трех. – Пойди еще им задницы полижи! Мы кто тут – пленные?!

– Некрасиво, Вакуленко, – подтвердил Витька.

– Та хлопцы, та ну их в пень, – вяло защищался Вакуленко.

Он сидел в углу на полу и виновато улыбался. Ноги у него подрагивали.

– У них автоматы, а мы шо? Та ну его, этот крест, вин с алюминия. Не дорогой.

– Не дорогой, нерусь! – передразнил Серега. – Мы русские летчики, понял? А не Албания какая-нибудь драная!

– Они нас строить будут, а мы – «чего изволите»? – возмущался Витька.

Глотов махнул рукой и потащился в угол. Карпатов подошел к окну. Двор опустел. Валялась палка, брошенная Витькой. Ветер гонял по пустырю обрывок целлофановой пленки. Калитка, не имеющая запора, неприкаянно болталась. За ней мелькали какие-то тени. Серая мгла спускалась с небес. Неужели так быстро закончился день?

– Гад старикашка, родинку сорвал! – пожаловался Вакуленко.

Все насторожились, вскинули головы. Вакуленко боязливо трогал алое пятнышко на шее, подносил палец к глазам, вглядывался.

– Где-где? – Витька подскочил к нему. – А ну засвети.

– У матери в гнезде. – Вакуленко беззлобно оттолкнул его.

– Пройдет, – отмахнулся Серега. – Вот если бы он тебе голову сорвал!.. Послушайте, мужики, чего-то не пойму – первый бой мы уже проиграли или с достоинством отступили на заранее приготовленные позиции?

Летчики нестройно засмеялись.

Ближе к ночи «люксовую» гостиницу посетил очередной бандитский выводок. Двое встали у входа, настороженно поводя стволами. Трое внесли личные вещи летчиков: сумки, заплечный рюкзак Сереги, развалившийся и стянутый бечевой чемодан Вакуленко. Они бросили все это в кучку, удалились.

Пленники кинулись проверять свое хозяйство. Поразительно, но все было целым. Видно, грабить дорогих гостей приказа не было, а дисциплина в войске, невзирая на экзотичный экстерьер бойцов, поддерживалась должная.

– Ну что, командир, гуляем? – Серега грохнул об пол двумя флаконами дорогого вискаря, и в его глазах заблестела вечная тема. – Совместим приятное с поллитрой? Спать тут все равно негде, хоть время проведем! У Вакуленко сало есть! Не прячь, Вакуленко, мы уже видели.

– Разрешаю. – Карпатов с достоинством кивнул. – Алкоголь, как известно, вреден только вечером.

– А уже почти ночь! – Глотов засмеялся. – Только руки, мужики, помойте. Нормальный колодец во дворе, там даже ведро есть. Не забываем, что лучше мыть руки перед едой, чем желудок после нее.

Колодец представлял собой занятное зрелище. Глотов объяснил, что у афганцев все они такие. Борта обильно зацементированы. На перекладине колесо на уровне человеческого роста. Через него перекинут длинный резиновый трос толщиной с пару пальцев. Он вырезан из шины. На обоих концах этого троса прикреплено по ведру. Каждое ведро, как и трос, сделано из шинной резины, сколоченной гвоздями, и для дальней переноски не годится. Ведра опускаются поочередно, а наверху вода разливается в переносные емкости. В качестве таковой сгодилось не слишком ржавое ведро.

Серега после водной процедуры выдал анекдот про отличие русского летчика от рыбы-пила. Рыба-то пила, а русские летчики пили, пьют и будут пить. Витька вспомнил, что он не пьет. Вакуленко с физиономией мученика-страстотерпца извлекал из непромокаемой обертки сало. Карпатов резал перочинным ножиком колбасу-салями, которую вез домой. Глотов хохотал, заявил, что жизнь дается только в том случае, если за нее взяться, выудил из баула под общие аплодисменты французский коньяк, выбрасывал вакуумные упаковки с копченостями, сыры долгого хранения, деликатесы из морепродуктов.

Пленники накрыли поляну посреди комнаты, расположились кружком. Они забыли о своей нелегкой доле, о неприятностях, связанных с задержкой рейса. Пили из пластмассового складного стаканчика, добытого из чемодана Вакуленко, ржали над Витькой, который к двадцати пяти годам не научился пить. Дело поправимое, пробелы ликвидировали на месте. Витька сильно не ерепенился.

Алкоголь ударил в головы. Пилоты брали бутылки, стаканы, выходили на крыльцо, освещенное фонарями, ржали демонстративно, на публику. Охранники оседлали забор, крышу и угрюмо созерцали великую и ужасную русскую пьянку, не смысля в ней ни уха, ни рыла.

– Эй, лопухи, сало, водка! – ржал Серега. – Хотите попробовать? Слезайте сюда, мы вас угостим, не жалко!

Летчики адресовали охранникам неприличные жесты. Серега демонстрировал средний палец, Глотов – рукав на три четверти. Захмелевший Витька хлопал себя по заднице и подпрыгивал, как козленок.

– Ладно нарываться, – утихомирил команду Карпатов. – Пусть завидуют. Пойдемте в хату.

– Неблагодарная какая-то публика, – согласился Серега. – Пойдемте, мужики, продолжим посиделки.

На свежем воздухе они немного протрезвели. Только Витька клевал носом и дурковато улыбался.

– Что у пьяного на уме? – Глотов хлопнул его по плечу.

– Референдум! – Серега загоготал. – На, Витек, тыпни коньячка. Скисаешь, а время еще детское.

Витька тыпнул, заулыбался. Во взоре парня появился смысл.

– А может, прогуляемся попозже, ребята? Калитка-то открыта, я видел. А эти черти скоро спать улягутся.

– Дополнительная экскурсия для тупых, – засмеялся Глотов. – Витек, ты еще не понял, что нас отсюда не выпустят?

– Бандиты! – Витька неумело выругался. – А кто они такие?.. Владимир Иванович, вы знаете?

– Талибы. – Карпатов вздохнул.

– Вот как? – удивился Вакуленко. – Шо за зверюги такие?

– Исламские фанатики. Отпетые. Экстремисты, маргиналы, ненавидят всех, кто верит в другого бога. Талибаном себя называют. Мечтают насадить пещерный век по всему миру. Женщину – в чадру, мужикам – не бриться, все достижения цивилизации – на слом. И это только верхушка айсберга.

– Ни хрена себе! – Витька покрутил вихрами и протрезвел от испуга.

– Духи, – мрачно вымолвил Глотов. – Мы ушли из Афганистана в восемьдесят девятом, и началась у них дележка. Глотки режут друг дружке, за власть бьются. Раббани и Дустум – это еще, как выясняется, милые, цивилизованные люди. А вот талабы...

– Талибы, – поправил Серега.

– По-русски говоря, студенты духовных семинарий Афганистана и Пакистана, – добавил Карпатов. – Как их там... забыл.

– Медресе, – вспомнил не такой уж необразованный Глотов. – Ага, правительство Кабула мечтают свалить. Кандагар уже у них.

– Студенты? – изумился Вакуленко. – А чего такие грязные?

– Денег нет, – под общий хохот пояснил Серега.

– Ну, мы и попали! – Вакуленко озадаченно почесал за ухом. – А мы як раз тому правительству снаряды веземо.

– Не снаряды, а патроны, – поправил Серега.

– В тебе повылазило, чи шо? – Вакуленко развел руками. – От таки патроны! Легче с того?

– Это тот последний ящик, – буркнул наблюдательный Глотов. – Подстроили, суки.

– А зачем? – спросил Витька и икнул.

– А хрен их знает. – Глотов простодушно пожал плечами.

– Ну, ничего, – сказал Серега. – Мы тут не при делах. Это они там налажали, а мы кто? Просто возим. – Он щедро плеснул в стаканы. – Ну, давайте, командир, за небо ясное!.. Витька, пей! Это же лекарство!

– Да иди ты, – не поверил Витька.

– Seriously, – уверил Серега и под общий хохот начал рассказывать историю, как слон заболел в зоопарке. Кашлял, чихал. Добавили ему водки в ведро с водой. Наутро слон был абсолютно здоров, зато остальные три начали кашлять.

Карпатов этой ночью пил немного. Ему не хотелось думать о проблемах. Стоит ли волноваться, когда за твоей спиной такая огромная и влиятельная страна? Но мысли лезли в захмелевшую голову. Он считал себя политически подкованным, читал газеты, смотрел телевизор.

Невиданные противоречия разрывали Афганистан к девяносто пятому году. Таджики Раббани и Масуд, узбек Дустум, пуштун Хекматияр – каждый умеренный моджахед тянул одеяло на себя. Они разорвали стонущую страну на несколько удельных княжеств.

Месяца четыре назад студенты-богословы под водительством муллы Мамур Джи вошли в Кабул и стали требовать отставки Раббани. Талибы поклялись, что не вернуться в свои медресе, пока не наведут в стране порядок. Они пытались взять Кабул, но были выбиты оттуда отрядами Масуда и ушли на юг.

Откуда взялась эта напасть? Говорят, она зародилась в недрах Кандагара. Или в лагерях беженцев под Пешаваром. Неплохо потрудились пакистанская секретная служба и корпус пограничной стражи совместно с элитными подразделениями пакистанских десантников генерала Насруллы Бабара.

Один знакомый офицер, имеющий отношение к генштабу, рассказывал Карпатову, как в октябре боевики этой странной организации захватили пограничный город Спин-Болдак и вышибли оттуда вояк Хекматияра, который даже и не понял, кто на него напал. Вместе с городом талибам достался склад с 18 тысячами «калашниковых». Их войско росло как на дрожжах.

Вскоре пакистанцы отправили в Ашхабад конвой из 30 машин с лекарствами. В Кандагаре у аэропорта местные командиры затормозили машины и поинтересовались насчет своей доли. Пакистанцы тут же обратились к талибам с убедительной просьбой. Те атаковали аэропорт, освободили грузовики, расстреляли командиров моджахедов.

В тот же вечер они направились в Кандагар и захватили город в ходе жаркого боя, при этом обзавелись собственной истребительной авиацией и несколькими вертолетами. Месяца через три талибы уже контролировали 12 южных провинций, подошли к Кабулу и Герату, разбили Хекматияра, открыли доступ к столице страны. Махмуд остановил наступление на Кабул, талибы не отчаялись, двинулись на Герат, прихватили авиабазу Шинданд в его окрестностях.

Они орут благим матом про «истинно исламское государство», всех считают лживыми мусульманами, а себя правильными. Насаживают ислам в самом диком, необработанном виде. За воровство отрубают руки, небожно утруждаясь доказательством вины. За супружескую неверность – смертная казнь: забивают камнями, но могут и модернизировать процесс, обрушить на приговоренных стену при помощи танка. За алкоголь, наркотики – плеть. Азартные игры – плеть. За убийство – расстрел, причем исполняет приговор ближайший родственник убийцы. За измену исламу – расстрел. За критику режима – расстрел. За увлечение изобразительным искусством – расстрел. Только Аллах создает что-то живое! Запрещено носить европейскую одежду, слушать музыку, танцевать, смотреть телевизор, хранить фотографии, курить, бриться, носить белую обувь, поскольку таков цвет талибского флага.

А женщины – вообще не люди! Им ничего нельзя! Работать, учиться, носить яркие одежды, случайно показать руку или часть ноги, не говоря уже про голову, появляться в общественном месте без мужского сопровождения...

– Вы не слишком налегайте, парни, – добродушно пробухтел командир экипажа. – Завтра лететь, куда мы такие расписные?

– А мы автопилоту больше не наливаем, – пошутил Серега. – Не бойся, Владимир Иванович, в штопор не сядем.

Узники выпили еще по одной и жадно навалились на еду. Украинское сало с французским коньяком и ирландским виски шло за милую душу.

– Делать-то чего будем, Владимир Иванович? – спросил Глотов.

– Не чавкать, – ответил Карпатов и покосился на него.

– Нет, Владимир Иванович! – Глотов расцвел. – Как говорят китайцы, если человек не чавкает, значит, ему не вкусно.

– Вот-вот, – согласился Вакуленко. – Ты чавкай, Саня, чавкай. А действительно, Владимир Иванович, делать-то чего будем? Мы тут спать и жить не можем. Грязно, вшиво, нас надобно хранить в сухом и прохладном месте.

– Главное, не суетиться. – Карпатов улыбнулся и начал загибать пальцы. – У нас бумаги в порядке – раз. Международных правил перевозки грузов мы не нарушали – два. Посадка самолета незаконная – три.

«А не плевать ли на это талибам?» – мрачно подумал Владимир Иванович, но не стал озвучивать печальную мысль.

– А снаряды? – вспомнил Витька.

– Провокация. По всем документам, мы везем амуницию. Все по закону. Жаль только, день потеряли. Да и Марик за суточные удавится.

– По закону, говоришь? – пробормотал Готов. – Ну-ну, командир. Не будем забывать, кто нас посадил. Вакуленко прав. Мы везли патроны правительству, с которым борются талибы. Какое им, на хрен, дело до международных правил и незаконных посадок?

– Да кончайте вы о грустном. – Витька жадно сметал провиант.

После трех стаканов в парне проснулся зверский аппетит.

– Точно! – спохватился Серега, поднимая стакан. – Давайте за родину.

– За президента, – хмыкнул Готов. – Соскучилась Россия по пьяной руке.

Ночь прошла незаметно. О сне пленники не помышляли. Ближе к утру, когда закончились запасы спиртного, Готов вытряс из пожиток блок американских сигарет, позолоченную зажигалку, которую вез двоюродному брату.

– Давай, – сказал Серега. – Раз уж пошел такой нездоровый образ жизни...

– В помещении не курить, – предупредил Карпатов. и объяснил, когда все с недоумением на него воззрились: – Перегара столько, что взорваться можно.

Пилоты вышли из дома, сели на крыльцо. Покашляли, обругав Глотова, и устроили сореживание – кто дальше зашвырнет окурки.

Антураж был хуже некуда. Бетонные стены, высокий забор, колодец. За оградой надрывно гавкали собаки. Одна из них, ободранная, страшная, с крысиной мордой, пробежала по двору, покосившись на похмельную братию. В зубах она тащила какую-то безголовую тушку, оснащенную голым хвостом. Псиная забралась под стену, яростно завозилась и пропала.

– Анекдот напомнила, – меланхолично сообщил Серега. – Собака перед кучкой мяса. Другая пробегает. Мол, ты где столько мяса добыла? – Ну, вот эти кусочки у кошки отняла. – А остальное? – А остальное... кошка.

Пленники долго молчали. Потом Витька издал неприятный горловой звук.

– Подкоп под стеной, – задумчиво возвестил Готов. – Интересно, пролезем?

Серега не поленился, прогулялся, не вынимая рук из карманов. Он поколдовал у забора, сунул ногу в предполагаемую дыру, чуть не сломал лодыжку и, матерясь, поволокся обратно. Потом Серега поднял палку и швырнул ее за забор вровень с калиткой. Он прислушался, ничего не дождался, обиженно вздохнул и побрел обратно.

– Не сбежим, извиняйте за правду жизни, – обрадовал Серега товарищей по несчастью, пихая бедром Витьку. – Подвинься. Вот если бы мы были змеями!..

Поток креатива не хлынул. Пленники сидели, впадая в прострацию. Говорить и шевелиться не хотелось. В ранний час было не жарко. Где-то за стеной, на невидимом минарете, закричал муэдзин – высоко, протяжно. После пьянки и бессонной ночи любые мелодичные звуки, даже визг бензопилы, показались бы летчикам музыкой. Они сидели и слушали. А муэдзин возвышал голос до молитвенного заунывного пения, словно заколдовывал.

– Созывает, блин. – Готов вздохнул. – Намаз у них, или чего там?..

– Ага, – сказал Карпатов. – Пять раз в день.

– А ничего, красиво, – подумав, решил Серега. – У Преснякова, конечно, лучше, но ладно.

– Та шо тут красивого? – Вакуленко скривился. – Разве то песня? Тьфу, а не песня! Тоже мне, кот Баян. От ты украинськи песни слушал?

Не дожидаясь, пока объявятся желающие послушать мелодичные украинские песни, он затянул неожиданно высоким, вибрирующим голосом:

– Туман яром, туман долиною!.. – Вакуленко покосился на товарищей, лица которых внезапно охватила сонливость. – Тьфу! Ладно, от на свадьбе моей дони послушаете, як украинцы спивають. Всех приглашаю. Владимир Иванович – посаженный отец. Серега – дружка, Витька с Глотовым... – Вакуленко задумался.

– Можем драку устроить, – предложил Глотов.

Поспать в это утро им удалось немного. На голом полу, с баулами в обнимку. Пленники проснулись, когда им подали так называемый завтрак – по миске желтого риса и сухую лепешку из злака неопознанного происхождения. Они хмуро смотрели, как двуногие личности в халатах выставили это благолепие на пороге и удалились, не сказав ни слова. После бурной ночи и паршивого сна болели головы, ломило кости. Постанывая, летчики подползли к еде, опасливо понюхали ее.

– Дерьмо! – вынес вердикт Карпатов. – Отравимся на фиг.

Вакуленко схватился было за ложку, зачерпнул каши, но встретился взглядом с командиром и мучительно задумался.

– А кушать-то хочется, – простонал Витька.

– Неужели все свое стрескали? – удивился Карпатов.

– Все. – Глотов решительно кивнул. – И сало, и колбасу.

– Может, проверим?

– Проверяли уже.

– Ну вы и жрать!

– Ладно, – решил Серега. – Кто не рискует, тот не ест. – Он уселся поудобнее, зачерпнул кашу, наклонил ложку, страдальчески уставился на то, что стекало обратно в миску, попробовал, выждал несколько мгновений и начал есть.

– Съедобно? – с надеждой спросил Вакуленко.

– Все относительно. – Серега пожал плечами. – Вот скажи, Вакуленко, два волоса – это много или мало?

– Ну, не знаю. Может, и мало.

– Действительно, – Серега кивнул. – Если на голове, то мало. А если в супе – то много. Все относительно, – повторил он с многозначительной паузой.

Отворилась дверь, и в здание просунулась сморщенная физиономия с пупырчатым носом и куцей козлиной бородкой. Пленники выжидающе уставились на посетителя. Человек смутился, но набрался мужества и вошел. Это был маленький клоп в ватной жилетке и штанах, куда поместился бы еще один такой субъект. Он заискивающе улыбался, приглаживал сальные волосинки, мялся на пороге, постреливал по летчикам блестящими бусинками глаз.

– Впервые вижу застенчивого талиба, – удивился Серега. – Проблемы, уважаемый? Ошиблись квартирой? Желаете поговорить?

– Здравствуйте, – с чудовищным акцентом сказал посетитель.

– Всегда рады, – буркнул Карпатов. – Кто такой?

– Я Миша. – Человек подошел поближе. – Буду ваш переводчик. Меня прислали...

– Нам нужен переводчик? – Витька насупился.

– Русский, что ли? – процедил Глотов и начал угрожающе подниматься. – Это что же ты, полиглот драный?..

– Нет-нет. – Визитер лихорадочно затряс головой. – Я не русский, узбек, меня зовут... – Тут он произнес сложное слово, которое никто не запомнил и вряд ли решился бы повторить. – Для... чтобы удобно, зовите меня Миша, так вам будет хорошо ко мне обращаться.

– Откуда ты, дружище? – спросил Серега.

– О, это не интересно, – забормотал знаток великого и могучего. – Я родился из Кандагар, тут много узбеки, я работал с ваши солдаты, когда они тут были. Даже ездил в Советский Союз, в Ташкент, два года возил туда...

– Героин, – подсказал Глотов.

– Нет. – Переводчик затряс башкой. – Героин возили другие. Я жил в Ташкент, работал дворник при мечети, пока у вас не началась эта... – Миша открыл рот, чтобы лучше вспоминалось. – Переделка?..

– Перестройка, – поправил Карпатов. – Была такая хрень десять лет назад, до сих пор расхлебываем. Ладно, Михаил, мы жутко рады, что в твоём плотном графике нашлось время заскочить к нам. Бумага есть?

– Да, конечно. – Коротышка вытащил из недр жилетки потрепанный блокнот и замушенный карандаш. – У вас имеются какой-то пожеланий?

– Садись, пиши, – строго сказал Карпатов. – Самый серьёзный пожеланий.

Узбек растерянно повертел головой. Ни стола, ни стула тут не было. Он пристроился на корточки, поместил блокнот в ладошку, с ожиданием уставился на командира экипажа.

– Пиши, – повторил Карпатов. – Да смотри, поменьше ошибок, а то будем тренироваться в орфографии и пунктуации. Требования экипажа самолета бортовой номер четырнадцать двадцать семь, приписанного к Казанскому авиаотряду Российской Федерации. Первый пилот – Карпатов Владимир Иванович. Второй пилот – Валиев Сергей...

– Какой номер? – Переводчик поднял голову и сунул в рот карандаш.

Карпатов повторил номер и заявил:

– Ох, и нерусь ты, Миха!

Он отобрал у переводчика карандаш, склонился, вписал цифры и приказал:

– Пиши дальше.

– Да-да!.. – Узбек яростно закивал, сложил блокнот и сунул обратно в жилетку.

– Эй, ты чего? – возмутился Карпатов. – Пиши, говорю!

– Не надо, нет необходимость. – Переводчик заискивающе заулыбался.

– Как это нет необходимость? – возмутился Серега.

– Кто командир? – Голос переводчика немного окреп.

Заскрипела дверь, и на пороге выросла парочка страшноватых «кудеяров» с автоматами на изготовку.

– Так мы не играем! – заявил Глотов и надулся.

– Я командир, – сказал Карпатов.

– Господин командир, приглашаю вас, это... – Толмач посмотрел в потолок. – Идти. –

Он сделал приглашающий жест.

– Куда?

– Приглашаю, – повторил переводчик.

Посторонились «кудеяры», торчавшие в дверях.

– Куда? – повысил голос Карпатов.

– Совсем близко, не надо волноваться.

«Уж я сам решу, волноваться или нет», – подумал Карпатов и заявил:

– Без экипажа никуда не пойду.

– Сначала вы, потом экипаж. – Переводчик почти умолял его. – Да не бойтесь, командир-господин, ничего, не страшно это, недолго. Нас ждет машина за калитка.

– Идите, Владимир Иванович, – убитым голосом сказал Витька. – Постараемся не скушать без вас.

– Блин, замечательно звучит: «командир-господин»! – заметил Серега.

Его везли в Кандагар в трясущемся кузове. Доставили и сбросили на летное поле – рас-терянного, оглохшего от вибрации. Дюжина бородачей заботливо взяла пленника в кольцо и погнала к зданию аэровокзала.

Талибы неплохо подготовились к меропрятию. Самолет стоял на том же самом месте. Между ним и зданием аэропорта гостеприимные хозяева поставили столы, длинные скамейки, допотопные советские колонки-стоватники. Трещины в стенах они закрыли транспарантами с арабскими письменами – изречениями из Корана. Толпились люди, журналисты, одетые по-европейски, расставляли штативы с лампами, щелкали фотоаппараты, трещали видеокамеры.

Талибы подтолкнули Карпатова прикладами в спину, усадили за длинный стол. Слева примостился переводчик Миша, справа – знакомый одноглазый тип в белоснежной чалме. Бородачи устроились по бокам и сзади, кто-то развалился на бетонке перед столом. Автоматчики угрожающе дышали в затылок.

Журналисты, человек десять-двенадцать, упоенно снимали, ставили микрофоны на стол, что-то строчили в блокнотах. Двое или трое разговаривали по спутниковым телефонам.

«Самый цвет», поди, собрали», – тоскливо подумал Карпатов.

Он видел бейджики с надписями «Нью-Йорк таймс», «Дэйли мэйл», «Франкфуртер Альгемайне».

Одноглазый босс бросил что-то односложное. Журналисты притихли.

– Вы можете говорить в микрофон, – сказал переводчик, наклонившись к Карпатову.

Командир экипажа должен был делать хорошую мину при плохой игре.

Он сухо улыбнулся, наклонился к микрофону и сказал по-русски:

– Здравствуйте, леди и джентльмены! Я командир российского самолета Владимир Карпатов. Летчик первого класса, сорок восемь лет, женат, имею взрослую дочь. Облетел весь мир, но первый раз на пресс-конференции. Немного волнуюсь. Переводи!.. – Он вызывающе пихнул Мишу под бок.

Тот вытянул шею и что-то зашептал одноглазому боссу. По рядам журналистов прокатилось оживление. Заспанная блондинка что-то черкала «Паркером» в блокноте. Ее партнер, небритый оператор в кожаном пиджаке и вельветовых брюках, запроваленных в короткие сапоги, вел съемку. Работа не мешала ему незаметно щипать блондинку за мягкое место. Девушка кокетливо хихикала.

Анекдоты про блондинок уже шагали семимильными шагами по планете.

«А правда, что цвет волос влияет на ум?»

«Неизвестно. Но то, что ум влияет на цвет волос – это точно».

Миша что-то лопотал, проглатывая слова. Если это был английский, то Карпатов вещал на суахили. Ему пришлось перейти на язык Объединенного королевства, что вновь внесло оживление в ряды журналистов.

– От себя хочу заявить, что, заставив нас совершить посадку, талибы нарушили все существующие международные соглашения, – сказал Карпатов. – А от лица экипажа скажу, что это обыкновенный разбой. С нами обращаются недипломатично, под угрозой оружия поместили в антисанитарные условия, кормят недоброкачественной едой и при этом превозносят свой поступок до небес, если решились на эту пресс-конференцию. Полагаю, господа,

времена робин гудов не прошли. – Карпатов гордо усмехнулся. – Грабители по-прежнему мнят себя героями.

Блондинка хихикнула, но посмотрела на насупленных бородачей и испугалась.

– Надеюсь, что господа талибы уже поняли свою ошибку, – продолжал командир экипажа. – А если не поняли, то должны догадываться, что Россия примет соответствующие меры, адекватно ответит на этот беспрецедентный...

Талибы выбросили еще один козырный туз из рукава! Незримый режиссер, работавший на них, отлично знал свое дело. Отворилась дверь в здании аэропорта, и на летное поле стали выходить люди. Журналисты повернулись, затаили дыхание. Бородачи ухмылялись.

Холодная змейка побежала по спине Карпатова. Испуг сменился жалостью, брезгливостью, отвращением. Этих людей было много, они выходили и выходили. Кто-то сам, кого-то несли на руках, волокли, кто-то со стуком и скрежетом катился на деревянных дощечках.

У командира экипажа возникло такое ощущение, что талибы собрали здесь инвалидов со всего Кандагара! Мужчины, мальчики, старики. У кого-то не было рук, у кого-то ног, у кого-то вообще ничего, только голова и туловище!

Первым ковылял пацан лет тринадцати с обрубками вместо верхних конечностей. Кожа на его лице шелушилась от экземы. За ним катился афганец с физиономией блаженного, обрубленный практически по пояс. За ним бородачи в халатах волокли на деревянных носилках пожилого мужчину. Конечности у него имелись, но явно не работали, свисали засушенными селедками. Правой стороны лица попросту не было – одна сплошная короста.

Действие было тщательно отрепетировано. Инвалидов набралось человек семьдесят. Они обогнули ряды скамеек и под гробовое молчание присутствующих остановились недалеко от стола, за которым сидели главные действующие лица. Калеки сбились овечьим стадом. Кто не мог стоять, опустился на землю. Блондинка отвернулась, сдерживая рвоту. Покрывалась бледностью дама средних лет в кофточке из верблюжьей шерсти.

Журналисты опомнились, развернули аппаратуру. Одноглазый начальник придвинул к себе микрофон, начал говорить неторопливым бархатным голосом. При этом он делал выразительные пассы то на Карпатова, то на инвалидов.

«Вероятно, это я их...» – подумал Карпатов, пихнул Мишу в бок и спросил:

– Чего он там лопочет?

Переводчик сделал страшные глаза, дождался окончания фразы, после чего извлек из кармана мятый листок бумаги, разгладил его ладонью на столе и начал читать срывающимся от волнения голосом:

– Глава движения Талибан Абу Умар говорит, что советские войска за десять лет незаконной оккупации принесли много горя афганскому народу. Погиб миллион мирных жителей Афганистана, многие миллионы остались инвалидами, как эти несчастные В русских тюрьмах... – Тут горе-переводчик замялся и с трудом подобрал слово, показавшееся ему подходящим: – Да, там проживают шестьдесят тысяч афганских людей. Их пытаются, над ними издеваются. Мы требуем, чтобы все эти люди были... вернуты на родину Афганистана.

Карпатов громко выкрикнул по-английски, игнорируя микрофон:

– Господа, вам не смешно? Ни один из членов моего экипажа не воевал в Афганистане! Наши войска ушли отсюда шесть лет назад! Узники в российских тюрьмах – это бред! Миллион погибших и миллионы инвалидов – это бред! За годы так называемой оккупации Россия вложила в экономику Афганистана миллионы долларов, построены дороги, жилье, детские сады. Впервые за всю историю люди стали получать хоть какое-то образование...

Карпатов иссяк. Хихикали бородачи. Абу Умар ткнул холеным пальцем в рыжего журналиста, тянущего руку.

Тот поднялся и заговорил:

– У меня вопрос. Английское телевидение, Брюс Кэмпбелл. По достоверной информации, вы перевозили патроны. Можете прокомментировать, господин Карпатов?

– Да, мистер Кэмпбелл. – Карпатов кивнул. – Это так, мы перевозили патроны для законного правительства Афганистана. Но я хочу заявить, что по всем международным нормам патроны не считаются военным грузом. Это амуниция. Если угодно, гуманитарный груз – такой же, как одеяла, продовольствие, лекарства...

– Лекарства? – удивился рыжий англичанин. – Признайтесь честно, господин Карпатов, как вы представляете себе лечение патроном? Лично мне видится только один способ. Или это новая вакцинация – с вертолетов, методом пулеметного обстрела?

Журналисты дружно рассмеялись. Карпатова подхватили под локти, вывели из-за стола, втолкнули в толпу инвалидов. Дышать здесь было нечем, он с трудом сдерживал рвоту. Несколько бородачей легли на бетон, чтобы попасть в кадр. Охранники картинно подняли автоматы, ощерились. Подскочили журналисты, защелкали камеры.

– Я повторяю! – выкрикнул Карпатов. – Ни один член экипажа не принимал участия в афганской войне! Мы, гражданские летчики, не несем ответственности за действия политиков! Наш самолет вез амуницию!

Журналисты продолжали снимать. Талибы делали мужественные лица, дергали Карпатова за одежду, что-то кричали. Пряча ухмылку в бороде, поднялся Абу Умар. Засуетились лизоблюды.

– Вопрос нет?! – закричал Миша. – Пресс-конференция закончена!

Вскинула руку седая дама в кофточке из верблюжьей шерсти. Абу Умар подумал и вальяжно кивнул.

– Журнал «Пари Матч». Мирабель Дежар! – сказала дама приятным низким голосом. – У меня вопрос к русскому летчику! Господин Карпатов, какие, по вашему мнению, шаги может предпринять Россия в связи с вашим задержанием, учитывая, что движение Талибан не признано международной общественностью?

– Мы простые летчики! – выкрикнул Карпатов. – Министров и ответственных чиновников среди нас нет! За действия политиков мы ответственности не несем, но думаю, что реакция России будет адекватной, вменяемой, главное, быстрой!

Он заметил, как переглянулись Абу Умар и обезьяноподобный здоровяк, начальник местной стражи. Охранник кивнул, поманил журналистку пальцем.

Та не почувствовала подвоха, стала протискиваться между коллегами, выбралась к столу, вытянула руку с диктофоном и сказала:

– И еще один вопрос, господин Карпатов. Как был пленен ваш?..

– Мы не пленные, мадам! Недоразумение разрешится, и уже в ближайшие часы нам предоставят возможность...

– Но вас посадили под замок, – перебила его француженка. – С вами обращаются по-скотски, я же вижу по вашему внешнему виду.

Подбежал талиб, занес приклад, ударил женщину по виску. Ноги ее подкосились. Журналистка потеряла сознание, струйка крови потекла по разбитой голове. Карпатов онемел. Талиб подал знак, подскочили еще двое, раздавили диктофон, выпавший из руки женщины, схватили ее за ноги и поволокли в здание аэровокзала.

По-видимому, ничего экстраординарного не случилось. Словно кошку прогнали.

Талибы втолкнули его в калитку. До дома он добрал самостоятельно, по пути сполоснувшись в колодце, вошел, рассеянно улыбаясь, держась за косяки. Экипаж играл в подкидного. Дураком, как всегда, оставался Вакуленко. Он ругался, сетовал на клятую непруху и всемирный заговор москалей.

– Владимир Иванович, скажите этим бисам, чтобы не мухлевали! – обиженно крикнул Вакуленко.

– Что, командир, поехали? – Серега вскинул голову. – Мы уже и вещи собрали.

– А что было, Владимир Иванович? – перебил Серегу Глотов. – Куда вас возили?

– Владимир Иванович, да на вас лица нет! – разглядел Серега. – Вы выглядите так, будто годы уже взяли свое. Случилось что-то страшное?

– Мы не пленные... – невпопад буркнул Карпатов, продолжая глупо улыбаться. – Все отлично, мужики. Через неделю приедет наш консул. Мы не пленные.

Взгляд командира экипажа наткнулся на миску с желтой кашей. Он опустился на колени, начал есть.

Коллеги стояли вокруг него и озадаченно переглядывались. Никто не решался задать ключевой вопрос. Поведение командира внушало им опасение.

– Чего это с ним? – прошептал Витька. – Ведь это ничего, правда, мужики? Это пройдет?

– Мне кажется, что с Владимиром Ивановичем обращались не вполне деликатно, – высказал логичную версию Глотов. – Видимо, он требовал обратно наш самолет и миллион долларов в мелких купюрах.

– Обработали, уроды! – пробормотал Серега. – А чего это он про неделю говорил? Мы уже вещи собрали.

– Ну, через неделю – это нормально, – неуверенно пробурчал Вакуленко. – Через неделю – успею. У дочери свадьба, а я тут в тюрьме чалюсь!

Карпатов вылизал миску, поднял на коллег пустые глаза и прошептал:

– Шумит что-то.

Коллеги встревоженно переглянулись.

– Нет, действительно шумит. – Серега насторожился, завертелся на месте, подскочил к окну, забитому досками, рванул одну, вонзил занозу под кожу и взвыл от боли. Подскочил Глотов, за ним Витька. Они поднатужились, оторвали доску, за ней другую, третью. Яркий свет залил кусочек пространства. Пленники прильнули к ободранному окну, забранному толстыми решетками.

– Вот теперь мы точно в тюрьме, – заявил Серега.

Забора с задней стороны не было. Просматривался фрагмент дороги, какое-то строение, разрушенное снарядом, свалка мусора, несколько домиков, серых от грязи. Небольшая площадь, огороженная бетонными блоками.

Посреди нее стоял «Урал» с тентом, перед ним собралась небольшая толпа. С кузова пафосно вещал пожилой афганец с арабским кинжалом за поясом. Толпа внимательно слушала его. В кузове вырос еще один, с лицом, загорелым до копоти. Он вытащил автомат, свесился, протянул его вниз. При этом загорелый тип орал, как торговец на базаре, расписывающий достоинства своего товара.

Толпа колебалась. Потом из нее выступил молодой парнишка, худой как Буратино. Он робко взял «АК-74», совсем новый, еще в заводской смазке. Новобранец повесил приобретение на плечо и шагнул обратно в толпу. Денег за товар здесь не брали. Каждому по потребностям. От каждого – по способностям. Толпа заволновалась, появился еще один претендент, вытянул руку.

– Забейте вы его, не смотрите на эту мерзость!

Летчики резко обернулись. Карпатов отшвырнул миску, вытер губы рукавом, хмуро посмотрел на своих ребят.

– С возвращением, командир. – Серега ухмыльнулся. – Ну, давай, трещи, где был, что видел. Мы сегодня никуда не едем, правильно?

Ночью пленники спали как убитые, а утром снова стали ждать. Сменилась охрана. Вместо прежних свирепых абреков, наверняка пуштунов, на службу заступили узбеки и тут же выставили на продажу какое-то барахло. Нескладный детина в шерстяных штанах и заду-бевшей гимнастерке советского образца разложил у колодца на тряпочке золотые украшения, уселся рядом, сложив ноги.

– Была у меня одна подруга из бурятов, – немедленно прокомментировал Серега. – Занималась в секции йоги. Специально для меня доставала пятками до головы. В обнаженном виде. Ох, и красота, скажу я вам, мужики!..

Вакуленко, убежденный в том, что дочери на свадьбу нужны не только сережки, делал периодические вылазки во двор.

Было слышно, как он ругался с чумазым негодником:

– Та ты шо?! У тебя повылазило?! Швейцарские часы! Специальный заказ для летчиков! А ты мне суешь якесь барахло!

Вакуленко влетел в дом, зарылся в свои пожитки, выискивая, что бы предложить на бартер без ущерба для собственной жадности, и убежал с чем-то, завернутым в тряпицу. У его товарищей возникло подозрение, что швейцарских часов у Вакуленко двое. По крайней мере одни из них были произведены в Китае.

– Оце бачишь?! – Вакуленко тыкал пальцем в часы. – Полетное время называется! Календарь, секундомер! От так крутишь, да и все! Понял, пень? Давай! Отой браслет на часы! Ты глянь, яки часы! Они же как дети, так и просятся на ручки!

Охранник решительно качал головой. Видимо, китайских часов у него было в избытке. Он накрывал грязными руками браслет со свернувшейся змейкой, на который покушался Вакуленко, совал тому невзрачные сережки.

– Та на кой мне, у меня уже есть! – разорялся Вакуленко и заламывал руки, словно баба, у которой на войне убили мужика. – Не надо твоих сережек! Мне браслет нужен!

Охранник упрямо мотал головой. Вакуленко выл с досады.

Дурное дело было страшно заразительным. Глотов с Витькой болтались по двору, общаясь с остальными коммерсантами. Серега вертелся у огрызка зеркала в расшитом афганском халате, критично что-то подтягивал, рассматривал оторочку, сокрушался над кривыми швами.

– Брак! – компетентно заявил он, вышел во двор и показал охраннику маленькую дырочку. – Видишь, какая она? С галактику, блин! Не пойдет, давай другой. – Серега начал стаскивать халат.

Бизнесмен что-то лопотал, то вскакивал, то садился, разводил руками, смотрел халат на свет, дергал ткань, показывая, какая она крепкая. Серега был непреклонен, требовал другой товар, в итоге добился своего, прибежал в дом, начал мерить, рассматривать оторочку, сокрушаться над кривыми швами.

Глотов задумчиво рассматривал латунный кальян с замысловатой чеканкой и инкрустациями, повествующими об индийской половой жизни.

– На хрена им это барахло? – Он пожал плечами. – Серега, что ли, затоварился?

Карпатов оторвался от книги и буркнул:

– Ага.

Влетел Серега с третьим халатом, отобрал у Глотова кальян, сунул его командиру под нос и осведомился:

– Как думаешь, нормальная вещь?

Карпатов поднял глаза от книги, согласно кивнул и заявил:

– А главное, незаменимая в наших широтах. Кури, Серега, на здоровье. И друзей приводи.

– Или ну его на фиг? – задумался Серега. – Буду я курить этот кальян, что ли? Или пусть стоит – красиво?

– Отличная вещь, – убеждал его Витька, который ничего не менял, не покупал, но принимал живое участие во всех сделках. – Ручная работа, е-мое, а картинки-то какие! Все бабы твои будут.

– Да они и так все мои, – отмахнулся Серега.

Карпатов покачал головой и сделал еще одну попытку углубиться в книгу. Давно он Пикуля не перечитывал.

– Владимир Иванович, товарищ командир! – Вакуленко влетел в дом с такой физиономией, словно во дворе совершил аварийную посадку истребитель талибов. – Я вже не можу! Не отдаст! Или морду ему набить? Як будэ Швейцария?

– Суисс.

Вакуленко вспотел от непрерывной беготни. Вот уж воистину, больше всего энергии мы прикладываем для добычи того, что нам не нужно. Он вновь ковырялся в своей сумке, выбрасывал какие-то коробочки, загадочные предметы, завернутые в тряпочки, выхватил «Поляроид», приобретенный в Эмиратах. Хохол уставился на него, словно это была его собственная рука, которую он сейчас отрежет.

– А ты скажи этому гаду, что у тебя ничего больше нет, – мудро посоветовал Витька. – Они в таких случаях сразу скидывают, добренькие становятся.

– А вдруг нет? – взвился Вакуленко. – А завтра вже лететь! А вдруг он не принесет? А как я без этого браслета? Вот не хватает. Я вже все поменял! Ну, правда, браслетик важный! Там граммов пятьдесят золота!

– Действительно засада, – посочувствовал Серега.

Подвывая, как болид на старте, Вакуленко сунул фотоаппарат под мышку и унесся во двор продолжать торги. Витька побежал за ним, заинтересованный, что будет дальше.

– Нет, оставлю, – задумчиво сказал Серега и начал запихивать кальян в свой фирменный баул.

Карпатов оторвался от книги и проговорил:

– Я где-то читал, что из грамма золота можно вытянуть проволоку длиной три с половиной километра.

– Ого! – прикинул Серега. – То есть с этого браслетика мы можем отсюда до Кабула...

– Нет, – подумав, подсчитал Карпатов. – Только до Газни.

Во дворе продолжался концерт. Вакуленко прыгал вокруг торговца, совал ему «Поляроид». Тот воротил рыло, и правильно, в сущности, делал.

– Давай-давай, – теребил его Вакуленко. – Паршивый браслет за часы и фотик! Да у тебя же там золото не настоящее. Смотри. Витька, а ну щелкни нас! – Он сунул приятелю фотоаппарат, рухнул в пыль рядом с торговцем, который онемел от изумления, и приобнял его. – Витька, да не лыбься ты, снимай!

Витька щелкнул, из «Поляроида» поползла фотография.

– Вот видишь! Сразу! – Вакуленко замахал снимком под носом торговца. – Отдаю. Бесплатно!

Торговец мотал головой. Он не мог вразумительно объяснить, что за хранение фотоаппарата ему отрежут голову. А Вакуленко знал об этом, да забыл.

– Да что с ним делать? – сокрушался хохол. – Нет? Точно нет? Все, тогда забудь! – заорал он. – Уходи отсюда, чего расселся? Вон туда, за забор, стой там, чтобы я в глаза тебя не видел, охраняй нас! – Когда Вакуленко был злой, он говорил по-русски абсолютно без акцента.

– Здравия желаю, Володя, – раздался над головой командира экипажа вкрадчивый голос.

Карпатов вздрогнул. Дадут ему сегодня заняться любимым делом?! Он даже не заметил, как вошел этот тип. В опереточных позументах, сверкающий орденами. Белоснежная фуражка с такой высокой тульей, что надо было наклоняться, входя в дверь. Чистый, лакированный, он смотрелся предельно дико в этих запущенных широтах. Летчик-истребитель дружелюбно улыбался.

– Адель? – Карпатов растерялся, начал подниматься.

У них тут что – спектакль в театре мюзкомедии? Он машинально сунул руку, и летчик не побрезговал пожать ее. Серега застыл, изумленно отвесив челюсть. В дверь заглядывал Глотов. Вакуленко критично созерцал одеяние посетителя, прикидывая, видимо, что с него содрать, чтобы доплатить за окаянный браслет.

– А что вы на полу? – удивился летчик, посмотрел по сторонам, сел на пляжный коврик, который Карпатов выудил из-под себя, и радушно предложил: – Надо вам мебель принести. Сейчас распорядюсь, не волнуйтесь.

– Вы и в истребителе так сидите? – спросил Серега.

Посетитель доброжелательно улыбнулся.

– Классная форма, – сказал Витька. – У вас все летчики носят такую?

Адель стащил фуражку, пригладил непокорный вихор, черный как смоль, сделал смущенное лицо и ответил:

– Нет, ребята, только я. Я здесь – как бы выразиться поскромнее?.. – главнокомандующий военно-воздушными силами.

– Не хило! – протянул Витька. – А тут, блин, летаешь радистом, летаешь...

– За боевые заслуги получили? – поинтересовался Серега, глядя на бирюльки, блестящие на груди высокого гостя.

– Да что вы! – Адель улыбнулся. – За боевые заслуги ордена с медалями дают, а я всего лишь... небольшой чиновник в правительстве. Ребята, прекращайте официоз изображать. Давайте на «ты».

Играть в своего парня у однокашника Карпатова выходило вполне приемлемо. Он улыбался, ждал продолжения перекрестного допроса, но беседа не клеилась.

В комнату втерлись два афганца, поставили на пол черный чай в пиалах, фигурную вазочку с печеньем. Адель вальяжно поманил одного из них, что-то сказал, обводя пальцем комнату. Афганец подобострастно закивал. Оба они пулей вылетели на улицу.

– За мебелью пошли, – объяснил Адель. – Кормят-то вас нормально?

– Для свиней – нормально, скоро лапти отбросим, – быстро сказал Серега. – Не знаю, как другие, а лично я перехожу на безразовое питание.

Летчик нахмурился.

– Вот шайтаны, говорил же я им!.. Все будет в лучшем виде, не волнуйтесь. Афганская кухня – это, конечно, не корейская, не итальянская, но достаточно, я бы сказал, калорийная. Вы пейте чай, пейте. Хороший чай. Хотя он не водка, много не выпьешь. – Летчик блеснул белоснежной улыбкой, демонстрируя неплохое знание русских идиоматических выражений.

– Так принеси, – в тон ему отозвался Карпатов. – Не верю, что не найдешь нормальной русской водки.

– Принесу, – пообещал Адель и свойски подмигнул. – Аллах, конечно, выпивать не разрешает, но вот хранить для особо торжественных случаев... Какую предпочитаете – «Посольскую», «Столичную», «Абсолют»?

– Тащи всю, – нашелся Глотов. – Не пропадет.

– Послушай, Адель! – Вакуленко со смущенным видом присел рядом с летчиком на корточки. – Скажи своему хлопцу, что часы настоящие, швейцарские, пусть отдаст браслет. А то свадьба у дочери, подарок хороший нужен. Тебе же не трудно, замолви словечко, а?

Адель, поигрывая бусинками зрачков, уставился на хронометр, всунутый ему в ладонь, поднес к глазам, прищурился, негромко засмеялся и заявил:

– Китайские товары со всего мира!..

– Да какие же китайские? – возмутился Вакуленко.

– Хорошо, скажу. – Летчик кивнул и сделал глоток из пиалы. – Качественная подделка, нашим дубинам эту науку ни за что не одолеть.

– Вот спасибо, – обрадовался Вакуленко. – А то совсем поизносились, менять не на что.

– Деньги нужны? – Адель поставил пиалу, вытер платком пот.

– Вот так! – Вакуленко чиркнул ладонью по горлу.

Адель поднял голову, посмотрел на Карпатов. Командир, помявшись, нерешительно кивнул. То же сделали Глотов и Витька. Серега соорудил соответствующую мину. Дескать, состояние, схожее с любовью и ревностью. Страстно люблю деньги и ревную их ко всем, у кого они есть.

– Понятно! – Адель засмеялся. – На курсы повышения зарплаты вас еще не направляли. – Он успокоился, полез в карман, достал пачку долларов, перетянутую резинкой, и положил ее перед собой.

У русских летчиков от удивления округлились глаза.

– Знаешь, Адель, деньги, в сущности, не главное в жизни, – растерянно пробормотал Карпатов.

– Я знаю. – Адель кивнул. – Главное, чтобы они не кончались.

– Ага, – начал размышлять Глотов. – Компенсация за простой и тяжелые моральные увечья. Благородно, конечно, господин главнокомандующий.

– По две с половиной тысячи на брата вас устроит? – Адель склонил голову набок и с любопытством стал созерцать летчиков.

– Срубить бабла. – Серега ухмыльнулся. – И вторая серия: «Срубить бабла-2».

– Хорошо, три тысячи, – покладисто согласился Адель.

– Не то, – расстроился Глотов. – За простой и моральные увечья, пожалуй, многовато...

Вакуленко доверчиво потянулся к деньгам, но Карпатов положил тяжелую ладонь ему на плечо. Вакуленко вздрогнул, отвел загребушую конечность.

– За что? – спросил он, чувствуя грандиозный подвох.

– Да так, ерунда, – отмахнулся Адель. – Берите. Не бойтесь, не отнимут.

– Адель, за что?

– Что за ерунда? – забеспокоился Витька. – Чтоб молчали?

– За это не заплатят, – возразил Глотов. – Ну, пообещаем, что будем молчать. Они же понимают, что приедем домой и начнем трубить на каждом углу.

– Нет, правда, ерунда, ребята. – Летчик как-то странно глянул на «коллег». – Научите моих парней летать. А то такие оболтусы в отряде, элементарных действий повторить не могут. У вас же вся команда в сборе – пилоты, радист, штурман, бортинженер. Где я еще найду такое счастье? – Он зачастил: – Вас переселят в губернаторский дом, хорошая зарплата, отличное питание, женщин подберем, телевизор устроим. Хотя у наших идеологов телевизор – враг номер один, но ничего, обещаю посодействовать. Достойную жизнь гарантирую. Зарплата – три... с половиной тысячи каждому. Или даже четыре.

– Сколько? – Вакуленко набычился.

– Хорошо, – не сообразил Адель. – Пять тысяч.

– Сколько времени, говорю?

– Ну, сами решайте. – Адель развел руками. – Не знаю, сколько вам понадобится. Месяца три-четыре. Самое главное – взлет-посадка...

Он осекся, потому что Вакуленко внезапно дико захохотал.

– Ты что, хлопец? Ты бы сказал – два дня, я бы и то подумал! Какие три месяца? Нам домой надо!

– Взлет-посадка! – подхватил Витька. – И всего-то? Ерунда какая!..

Пилоты смеялись с истеричным надрывом. Молчали только Карпатов и Адель. Они как-то придирчиво разглядывали друг друга.

«Посадили самолет, разумеется, не за этим, – размышлял Карпатов. – Цель у них куда более благородная. Но воспользоваться оказией Аделька обязан».

– Что скажешь, Владимир Иванович? – вкрадчиво спросил Адель.

– Неловко отказывать старому приятелю. – Карпатов печально улыбнулся. – Но ребята правы. Какие, к дьяволу, четыре месяца. Максимум неделя, Адель, и мы отсюда уезжаем. Извини, ищи других желающих подзаработать. Над Кандагаром летают американские самолеты, нет?

Адель молчал. В его глазах поигрывали кристаллические льдинки.

– Подумай хорошо, Владимир Иванович.

– Пустая болтовня, Адель. – Чтобы как-то разрядить обстановку, командир экипажа приставил к голове куриное перо и сделал индейский жест. – Хау, я все сказал.

Команда засмеялась. Адель немного помолчал, встал, вздохнул, поднял с пола обломок стальной проволоки и нацарапал на стене несколько рисок.

Потом он кинул железяку под ноги Карпатову и заявил:

– На, будешь отмечать.

– Шо отмечать? – испугался Вакуленко.

– Дни. – Адель сухо улыбнулся и отправился к выходу.

На пороге он столкнулся с охранниками, которые тащили в дом облезлые табуретки, обветшалую армейскую тумбочку, и бросил им резкую фразу. Афганцы повернули вспять. Дверь захлопнулась.

– Тьфу ты! – Серега сплюнул. – Хороший у вас приятель, Владимир Иванович. Душевный.

– Нормальный был парень в училище. – Карпатов отряхнул коврик и вновь устроился на нем, чтобы продолжить чтение. – Пил, матерился, по девочкам бегал побольше Сереги.

Скрипнула дверь, в проем просунулась роскошная генеральская тулья, брякнули цапки, большая часть которых была обычными юбилейными значками.

– И все же ты подумай, Владимир Иванович.

– Хорошо, Адель, я подумаю, – нетерпеливо бросил Карпатов.

Дверь захлопнулась.

– Не будет он думать! – Серега пнул несчастную табуретку, и она превратилась в одноногого калеку.

– На хрен пошел! – примкнул к Сереге Витька.

Крик оборвался, настала оглушительная тишина. Летчики недоуменно воззрились друг на друга. Карпатов вертелся на цветастом пляжном коврике, купленном в Дубае для дачи.

– Вы что, Владимир Иванович, какое думать? – укоризненно сказал Глотов. – Я тут оставаться не намерен.

Карпатов отмахнулся, взял книгу и принялся искать потерянную страницу.

– Дело ваше, конечно, Владимир Иванович. – Вакуленко надул губы. – Но я тоже не могу оставаться.

– Правильно, – поддержал его Серега. – Каждый решает за себя. Чай, не в армии живем. Правильно? – На Карпатову он не смотрел.

– Я тут точно не останусь, – сказал Витька, покосившись на командира. – У меня на пыль аллергия.

– Нет у тебя никакой аллергии. – Карпатов вскинул глаза и внезапно рассмеялся. – Испугались, дуралии? Подумали, что я соглашусь на этот бред? Тогда мы точно из Афгана не выберемся. Терпим, скоро консул придет.

Ночь тянулась, как бесконечная езда по проселочной дороге. Точно так же прошли и предыдущие шесть.

Едва рассвело, пленники вынесли на крыльцо свои пожитки, стали ждать и сидели так битый час. Кажется, они дождались. Распахнулась калитка, вошел громила с автоматом, угрюмо посмотрел на летчиков. Молодые люди в халатах стали заносить во двор ящики с бутылками, одеяла, перевязанные бечевой.

– Вот блин! – сказал Серега. – Опомнились, суки. Мужики, а на хрена нам столько минералки? И одеяла зачем-то. Мы разве не уезжаем?

Носильщики ушли, побросав поклажу у колодца, удалился громила. Вновь открылась калитка, и во двор, сгибаясь под тяжестью сумок и угрызений совести, вошел флай-менеджер Марк Ройтман. Пилотам сразу стало ясно, что меньше всего на свете Марку хотелось видеть именно их, своих подопечных.

Но он надел сочувствующую доброжелательную маску, распростер объятия и заявил:

– Ребята, родненькие!.. Исхудали-то вы как!

Переживал он не напрасно.

Первым среагировал Глотов, заурчал, подскочил, схватил Марика за грудки и завопил:

– Ты подо что нас, сука, подставил? Неделю тут вшей кормим! Где ты был, паразит?

– Ребята, вы что? – Марк растерялся, вырвался.

Но сзади дорогу ему уже заступил Витька, сжал кулак и задумчиво почесал костяшками подбородок.

– Вы что подумали, ребята? – взмолился Марк, споткнулся и упал в пыль. – Да чтобы я вас бросил, да чтобы я вас подставил!.. Мы же с вами сто лет вместе! – Он начал лихорадочно креститься. – Владимир Иванович, скажите им!

– Это шо ты, морда, тут крестишься? – взвился Вакуленко.

– Нехорошо, Марик, нехорошо. – Карпатов покачал головой. – Ладно, успокойтесь. Глотов, Роман, Вакуленко! Успокойтесь, говорю! Вставай, Марик, чего ты там расселся? Сейчас мы сделаем вид, что рады тебя видеть, а ты нам популярно объяснишь, что за хрень приключилась.

– Да не знаю я, Владимир Иванович! – Марк подпрыгнул, выстрелив столбом пыли. – Честное слово, не знаю! Все законно было, я не виноват! Вы же знаете! Я сам в загадках!

– Ладно, не ори. – Карпатов поморщился. – Что привез? – Он кивнул на кучу барахла, громоздившуюся у колодца.

– Минералка, одеяла, нужные вещи, – затараторил Марик.

– Куда нам столько бутылок, дурила? – заревел Серега. – Тащи обратно в самолет. У нас же колодец есть. Не знал?

– Ну так пить. Она полезная. Я вам еды привез, – спохватился Марк. – А еще посылки из дома. Вам, Владимир Иванович, супруга кое-что передала. А еще радио! – Он вскрыл какую-то сумку, выхватил из нее китайский пластмассовый приемник. – Вот! О вас везде говорят!

– Ты охренел, Марик, – сказал Витька, отбирая у него радио. – На фига нам это железо, мы же уезжаем? Мы же сейчас уезжаем, нет?

Марик выстроил на лице вселенское покаяние, отступил на всякий случай.

– Консул приехал? – глухо спросил Карпатов, кажется, начиная догадываться.

– Да-да, – забормотал Марик. – Он сейчас придет, решит свои вопросы с местным начальством...

– Ты на яки гроши все это набрал? – Вакуленко заподозрил неладное и ткнул пальцем в грудь полезных вещей.

– Так ваша зарплата у меня осталась, – стушевался Марик.

– Идиот! – заголосил Вакуленко. – Ты что, Марик, совсем того? А ну гони бабки! – Он начал дергать Марка за рукав.

Остальные пленники угрожающе сомкнулись вокруг работодателя. Известие о нецелевом использовании средств, заработанных ими, было последней каплей.

Все могло закончиться заслуженным кровопусканием, но открылась калитка, и во двор вошли несколько человек в дорогих костюмах. Только один мужчина средних лет с каменным лицом, изрытым веснушками, был в джинсах и длинной рубашке навыпуск. Все прочие остались у калитки, а он медленно двинулся вперед, как-то странно глядя на летчиков.

– Наш консул, – благоговейно прошептал Марк. – Андрей Петрович Соковатов...

– Кто тут командир? – процедил консул.

Карпатов вышел вперед. Консул волновался, у него дрожали руки, струйка пота текла по лбу.

– Я командир, Андрей Петрович. – Он не узнал свой голос. – Владимир Карпатов, рад познакомиться, ждем вас с нетерпением.

Консул сделал вид, что не заметил руки, протянутой ему. Карпатов вынужден был убрать ее, но по инерции продолжал улыбаться.

– Ждете, говоришь? – процедил консул. – И зачем, позвольте полюбопытствовать?

Летчики онемели, а Карпатов все еще улыбался.

– Чего вы от меня хотите, кретины? – процедил Соковатов и вскинул глаза на Карпатова. – Ты что наделал, сволочь? Не знал, куда летишь? Глаза на заднице? Нет, он еще лыбится!.. Ты что вез, знаешь? Патроны ты вез! В страну, где идет война и где талибы скоро свергнут кабульский режим! Срубили свои бабки? Молодцы. И чего вы от меня теперь хотите? Как я вас буду вытаскивать? Как левые рейсы, так пожалуйста, а как яйца ему прищемили, так помогите! С кем я должен вести переговоры? Тут не власть, а племенное хозяйство...

– Подождите. – Карпатов нахмурился.

– Да не буду я ждать, – прошипел Соковатов, входя в раж. – Ты же бандит, Карпатов! Ты торговец оружием! Вот поймали вас, и правильно! Расстреляют – так и надо! Россию замарал! Страну нашу с говном смешал! Ты предатель, ясно? Вот и улыбайся теперь...

– Андрей Петрович, – трагическим шепотом возвестил Марк. – Экипаж рейса четырнадцать двадцать семь перевозил патроны. По международным правилам, это не оружие, а амуниция.

Консул взвился и завопил:

– Да мне плевать, что тут по правилам, а что нет! Попались – сами выкручивайтесь. Все!

Летчики не верили, что и вправду это слышали. Серега на всякий случай прочистил пальцем ухо. Витька растерянно моргал.

– От лишенько! – вдруг забормотал Вакуленко, расстегнул штаны и принялся мочиться посреди двора у всех на глазах, приговаривая при этом: – Шо же делается, шо происходит, какой кошмар! Ой, шо ж я делаю, шо ж я тут делаю?

Соковатов побагровел, вдруг сдулся, как воздушный шар, и развернулся, чтобы уйти. Но к нему уже бежал Вакуленко, застегивая штаны.

Хохол схватил консула за руку, резко развернул его к себе и завопил:

– Вы что, Андрей Петрович, или как вас там? И это все? Вот уж хрен вам! У меня у дочки свадьба! Вы что тут такого наговорили, Андрей Петрович? Так дело не пойдет, извините. Вы знаете, мы ни в чем не виноваты, а строите тут из себя... Работайте, Андрей Пет-

рович, выполняйте свои обязанности. Вот вам вода, вот вам одеяло – сидите вместо нас, договаривайтесь. А нам некогда, мы полетели!

Он потащил Соковатова к дому, тот вырвал руку, матюгнулся. Вакуленко опять его схватил.

– Не надо, мужики, вы что?! – заволновался Марк. – Он все решит, вернется. Андрей Петрович, вы же вернетесь? Андрей Петрович!

– Рома, не надо, оставь его в покое! – резко выкрикнул Карпатов.

Вакуленко махнул рукой и побрел к дому, глотая слезы. Соковатов припустил к калитке, где его подчиненные наблюдали за зрелищем, но не вмешивались. Вдруг консул резко остановился, посмотрел в глаза Карпатову и команде. Его лицо дрогнуло, задрожал, отвисая, подбородок. Он собрался что-то сказать, но осекся. Андрей Петрович начал судорожно рыться в карманах, извлек какие-то купюры, опустошил бумажник, вынул из нагрудного кармана золотую ручку, стянул часы с запястья, догнал Вакуленко, стал засовывать все это ему в руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.